

Лето, плавки,

рок-н-ролл!

Марта Кауц

Лето, плавки, рок-н-ролл

«Издательские решения»

Кауц М.

Лето, плавки, рок-н-ролл / М. Кауц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969344-0

150 участников, 5 судей, 5 тем и всего три дня для написания истории. Сотни захватывающих сюжетов, нетривиальных идей и неожиданных финалов. «Лето, плавки, рок-н-ролл» — это искромётный юмор, трагедия и фарс, философские повествования, детективы, фантастика и поэзия от современных авторов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969344-0

© Кауц М.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Часть 1. Летний экстрим	8
Снова увидеть звезды	8
Экстремальный отдых	11
Аркашкина клубничка	13
Подземка	15
Окно напротив	17
Мечта о море	20
Вояж «Дамы с собачкой»	22
Он никогда не был на войне	24
Два августа	27
Долгий путь к морю	30
Подарок на годовщину	32
До цигундера	34
Вкус свободы	36
Летний экстрим или Заплываем за буйки	38
В эфире Афродита	40
Никакого экстрима!	42
От бедра!	47
Часть 2. Патологоанатом Кромов в отпуске	49
Музыка нас связала. Тайною нашей стала...	49
Новый маршрут	51
Ася	53
Это голубой, не усложняй	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лето, плавки, рок-н-ролл

Редактор Марта Кауц

ISBN 978-5-4496-9344-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Вы держите в руках не просто книгу. Это 338 страниц лета – такого, каким его видят современные авторы.

С 13 по 28 мая в социальной сети ВКонтакте проходил литературный марафон «Лето, плавки, рок-н-ролл». Результатом этого марафона стали потрясающие, по-летнему жаркие истории. Лучшие рассказы мы с любовью собрали в этот сборник.

Спасибо всем участникам за волшебное время, проведенное в вашей компании.

Также мои самые теплые слова благодарности судьям: Ирине Червоненко, Евгении Королёвой, Владимиру Веду и Ольге Гуляевой. Благодаря вам этот марафон получился таким жарким.

*С любовью и искренним восхищением,
организатор марафона Злая Марта.*

150 участников, 5 судей, 5 тем и всего три дня для написания истории. Сотни захватывающих сюжетов, нетривиальных идей и неожиданных финалов. Лучшие рассказы конкурса «Лето, плавки, рок-н-ролл» о любви и сексе, жизни и смерти, фантастических путешествиях и многом другом в одной книге.

Татьяна Козлова

Необыкновенные приключения, забавные курьёзы, откровенные признания – здесь вы найдёте всё и даже немного больше. Этот сборник перевернёт ваши представления о летнем отдыхе. Вы готовы к настоящему экстриму? Тогда вперед!

Виктор Подбельных

Лето наступило,
Отпуск далеко.
Почитайте книгу,
Будет вам легко.

Ирина Соколова

Если Вы думаете, что эта книга – кладёзь леденящих душу и дающих надежду рассказов, то... вы правильно думаете. Веселые и не очень, про любовь и про смерть – что объединяет все эти истории? Лето. Такое разное: одинокое, опасное, веселое и долгожданное. Живи. Люби. Читай.

Аня Вяткина

Эти страницы не только пахнут июнем, греют южным солнцем и шелестят морскими волнами. На них написано настоящее лето.

Женя Нефедова

Кидай над головою плавки,
Врубай погромче рок-н-ролл.
К тебе наш сборник ахуенный
Пришел.

Надя Бурлуцкая

В нашем виртуальном гетто наступило яркое, жаркое, сексуальное, убойное и беспощадное ЛЕТО.

«Лето, плавки, рок-н-ролл» – это искромётный юмор, трагедия и фарс, философские повествования, детективы, фантастика и поэзия от современных авторов.

Узнай, какое лето подойдёт именно тебе.

Татьяна Козлова

Так какое оно, ТВОЁ лето?

Часть 1. Летний экстрим

Снова увидеть звезды

– Мааам, ты трусы мои не видела? В горошек, от купальника которые.

– Елизавета! Что за манеры? У нас же люди! Позорище, – недовольно крикнула из другой комнаты Татьяна Петровна.

– Как – будто эти люди трусов не носят, – буркнула Лиза себе под нос. Она совсем забыла, что им устанавливают кондиционеры.

– Держи! Кстати, это плавки. Куда намылишь то?

– Куда ж еще пойдешь в таком горошке, кроме как на муниципальный водоем?

Жара... Опять невыносимая жара. Она так и не привыкла к раскаленному пыльному воздуху Города, его палящему солнцу и запахам местных растений. На её Севере воздух был прозрачный и свежий. Даже в жаркие дни им можно было свободно дышать полной грудью. А в Городе тысячи труб выплевывали тонны вонючих газов прямо в небо. И поэтому здесь не было звезд... Лиза безуспешно пыталась полюбить Город. Но пока у них не было взаимности. Он безжалостно загнал ее в квартиру с намертво зашторенными окнами, вентилятором и бутылкой запотевшего Тархуна.

– Лизка, я придумала нам занятие на лето! – послышалось с соседнего лежака. – Я тут прочитала в Космо...

– Господи... Его еще моя прабабка до революции читала.

– Ой, три раза ха! Замечательный, между прочим, журнал, – не унималась Светка.

– Знаю я твой журнал. Сто способов, как в себя что-нибудь засунуть, и еще сто пятьдесят – как потом это высунуть. А! Еще прокладки в подарок. Ладно, Шахерезада Иванна, жги! Что у тебя там?

– Нам нужно выйти из зоны комфорта! – провозгласила Светка.

– Куда?!

– В нормальную и полноценную жизнь! Нужно отказаться от привычного и попробовать новое. Вот смотришь ты вечно свое «Аббатство Даунтон», к примеру. А будешь смотреть японские комедии или венгерский арт-хаус.

– Зачем? – Лиза с удивлением смотрела на раскрасневшуюся от солнца или эмоций подругу. – Японские? Ты серьезно?

– Ограниченный ты человек, Карелина! Это ж образно. В общем, я записала нас на тренинг. Там тетка бомбическая! Она называет себя Сталкер, – Светка с деловым видом излагала информацию.

– Боже, – застонала Лиза.

– Ну, она ж выводит людей из их Зоны Комфорта. А еще, – хихикая зашептала Светка, – она походу лесбиянка.

– Блин, а это что, обязательное условие? Тарковский точно в гробу переворачивается.

На тренинге было многолюдно. Комфорт, видимо, начисто поглотил россиян и они нуждались в срочном спасении. Представительницы прекрасного пола вооружились тетрадками, как бабки на «Жить здорово», и старательно все записывали.

Сталкер, она же Валентина, оказалась и правда бомбической. Бесконечно сыпала шутками и цитировала в тему классиков. А еще рассказывала истории со счастливым концом, где все после ее тренингов богатые, успешные, замужнеженатые. Чем довела зал до ожидаемого экстаза. У всех горели глаза, хотелось вскакивать с места и куда-то срочно бежать.

– Если бы мне сейчас сказали отдать все деньги, я б запросто, – шепнула возбужденная Лиза. – Мне точно нельзя во всякие секты и сетевой.

На первом задании нужно было рассказать про себя что-нибудь позорное, но зал сдулся и позорились вяло. Почти все время про мелкие правонарушения. Лиза на ватных ногах вышла к микрофону. Выдох.

– У меня есть привычка оставлять колготки в джинсах. Потом хожу по улицам такая модная. Сначала я иду, потом за мной колготки по земле ползут. Ко мне люди подходят часто и шепчут: «Девушка... у Вас там... это...».

Зал грохнул от хохота. Получив свою позорную минуту славы Лиза вернулась на место.

– А чего историю про красные трусы-зеленый лифчик не рассказала? – съязвила Смирнова.

– Ой, молчала бы, расхитительница социалистической собственности. Уперла в детсадовском возрасте кисель из универсама, теперь строит из себя. Похабнее то ничего в биографии не нашлось?

– Так, практическое задание на дом! – громогласно сообщила Сталкер Валентина. – Начнем с изменения во внешнем облике. Чтобы оно для вас было нетипичным и более-менее стабильным. И больше жести! Но чтобы не отстегивалось! А то пришла тут одна недавно... Задача ясна? Свободны!

Светка побежала клянчить у матери деньги на цирюльню. Она клятвенно пообещала обкорнаться до состояния ежа и покрасить сие великолепие в ярко-оранжевый цвет. Лиза же в состоянии эйфории двинула в тату-салон.

Девушка- администратор была забита с ног до головы и своим внешним видом ясно давала понять, что живыми отсюда не уходят.

– Добрый день! Вы по записи?

– Н-н-нет... Я могу потом... – Лизу начало колотить. Обещанный Валентиной адреналин хлынул в кровь.

– Мастер сейчас свободен. Заполните пока анкету, а я его приглашу.

Трясущимися руками Лиза вносила данные. Ф.И.О... дата рождения... адрес... телефон... аллергии нет... на все согласна... обо всем предупредили... подпись... Интересно, сейчас еще можно уйти?

– Здравствуйте! Меня зовут Олег. Пойдемте... Елизавета Сергеевна.

Лиза от неожиданности вздрогнула. Перед ней стоял приятный молодой человек... с девственно чистыми руками. Ни тоннелей, ни болта в брови. Ничего.

– Что Вы хотели сделать? Рисунок с собой? Мне нужно сориентироваться по времени.

– Я... я не знаю, – прошептала Лиза сухими губами. – Понимаете, у меня тренинг.

– И почему именно татуировка? Странный выбор. Это же не ухо проколоть.

– Ну, ведь что-то жуткое надо сделать. Чтобы результат! А я дико боюсь иголок. И родители вот тоже... После этого меня точно лишат наследства, – Лиза впервые улыбнулась. – А у Вас их много?

– Ни одной, – улыбнулся теперь Олег.

– Но как же тогда Вы можете? – удивилась Лиза.

– Гинекологи ведь тоже не все рожают, – засмеялся он в голос. – У меня дар. Я вижу людей и знаю, что им нужно. И умею это набивать.

– Как раз мой случай. – сказала Лиза, укладываясь на кушетку.

Это было потрясающе! Справа на животе у нее теперь красовался знак Козерога. Папа только покачал головой и поблагодарил, что хоть не на лице. А мама подмигнула и попросила телефон мастера. Пронесло.

Вечером Лиза шла по улице домой от Светки-ёжика и поняла, что ей начинает нравиться Город. Она стала замечать его красивые здания, парки, где легко дышится.

– Елизавета! Добрый вечер!

Лиза вздрогнула и увидела перед собой Олега. Сердце предательски громко застучало.

– Добрый! Но как Вы?.. Ах, да! Анкета.

– Ты забыла заживляющее средство. И еще...

В этот момент Олег приподнял край футболки. Справа на его животе был покрасневший знак Козерога. Лиза впервые увидела над Городом чистое звездное небо...

Женя Нефедова

Экстремальный отдых

Тишину комнаты не нарушал ни один звук. Все готовились к вспышке, взрыву, рождению сверхновой. И звезда не заставила себя ждать. Дверь скрипнула.

– А вот и я! – Сашка влетел в комнату и застыл с раскинутыми в стороны руками. Долговязый студент с кудрявыми волосами и оттопыренными ушами всегда любил привлекать к себе внимание. Делал все с визуальными и звуковыми спецэффектами.

– Бабуль, дай пять! Мамуль! Дядя Гена! – он поздоровался со всеми членами семьи. Бабушка и мама опешили от эффектного появления наследника. Они до сих пор не привыкли к взрывному характеру чада. Дядя Гена усмехнулся и потер усы.

– У вас тут целый пирог, – студент наигранно выделил последнее слово. – Зачет! Обожаю! – он сел на угловой диван и положил себе самый большой кусок.

Бабушка приготовила к приезду внука его любимые блюда: пирог с мясным фаршем и картошкой, селедку под шубой, бутерброды со шпротами, салат из свежих овощей. Старый, советский раздвижной стол поставили посередине комнаты и застелили тканевой скатертью, так делали всегда, когда семья собиралась вместе.

– Сашенька, расскажи, куда ты ездил, что видел? – спросила бабушка. – Мы скучали по тебе.

– Ха! А мне никогда не бывает скучно! Все потому, что я вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите кроме четырёх стен. Зацените фишку: знаете, кто я теперь?

– Кто? – заволновалась бабушка.

– Я теперь экстремал! Можете звать меня отважным бароном Алексаузенем, – Сашка, кривляясь, указал двумя пальцами на себя. – Знаете, что такое экстремальный отдых? – Бабушка напугано покачала головой. – Выходящий за рамки обычного! Чрезвычайно сложный и трудный! Даже смертельно опасный! – студент для пушей убедительности вскочил на диван. – Попробовал я одну штуку, парасейлинг называется. Это полный улет! Тебя привязывают веревками к парашюту и буксируют по открытому морю. Ты взлетаешь в воздух! Головокружительная высота. Смотришь оттуда: катер становится маленьким-маленьким, как точка, не видно его. Трос метров пятьсот, честное слово! И скорость запредельная: 27 метров в секунду, никак не меньше! И не думайте, что я вру! Я не выношу никакого обмана и все время рассказываю одну чистейшую правду.

– Сашенька, страшно-то как! – вздохнула бабушка.

– Ничего не страшно, бабуль! Я даже не чувствовал скорости! Наверно, я совсем бесстрашный, – Сашка засмеялся. – Как будто сидишь на лавочке у подъезда. Только эта лавочка застыла между небом и морем! Чистый кайф!

– Какой ты у нас герой! – похвалила мама. – И раз уж ты не любишь сидеть дома, поможешь бабушке завтра на огороде? Там тоже можно совершать подвиги.

– Грядки? – Саша скривился. – Фи! Экстремалы таким не занимаются.

За столом повисло неловкое молчание, все уткнулись в свои тарелки. Тишину нарушил дядя Гена:

– Да, я тоже молодость вспомнил. Ой, что мы вытворяли! Как ты говоришь? Экстремальный отдых? Тоже им занимались!

– Крутяк! – встрепенулся Сашка. – Дядь Ген, расскажи?

– Так экстремалил, что тебе и не снилось! Отдых на грани, запредельный. Думаю, вы, молодежь, не сможете так! Хилы и немощны стали. Испугаетесь!

Сашка быстро оценил уровень предлагаемой авантюры и решил в нее ввязаться.

– Дядь Ген, ты меня плохо знаешь! Я настоящий экстремал! Ничего не боюсь. Я должен попробовать!

– А ты для начала угадай, что это за вид отдыха. Спорим, даже названия такого не знаешь? – дядя Гена заговорщически подмигнул бабушке.

– Еще один челлендж, – глаза Сашки запылали озорными огоньками. – Я принимаю вызов! Я отгадаю, и ты покажешь мне его, идет?

– А если не угадаешь, поедешь со мной и бабушкой в сад грядки копать, идет?

– Хммм, – Сашка смутился.

– Струсил что ли? – засмеялся дядя Гена.

– Никогда! Я готов! Это рафтинг?

– Нет.

– Катание на мотоцикле?

– Нет.

– Прыжок с парашютом?

– Нет.

– Плавание с акулами?...

Ничто не нарушало тишину летнего сада. Кроме... Стук! Пауза. Стук! Пауза. Стук!

Пот катился градом со лба Сашки. Размах, удар. Размах, удар. Остался последний чурбак. Сашка напрягся и со всей силы опустил топор. Чурбак раскололся на две части. Рядом лежала кучка наколотых дров.

Дядя Гена сидел на деревянной скамейке и наблюдал за племянником.

– Закончил? Держи! – он кинул Сашке банку холодного пива. Сашка без сил опустился рядом. – Ну что, как тебе мой экстремальный отдых? За гранью, согласен? Молодежь сейчас так не умеет отдыхать. А я всю молодость отпахал! То картошку копать, то дрова колоть, то яблони поливать! Всегда при деле был!

Сашка сделал глоток холодного пива. По телу разливалась приятная усталость. Чуть шелестели листья деревьев, неподалеку пели птицы. Было хорошо и спокойно.

– Чистый кайф! – протянул Сашка. Дядя Гена довольно улыбнулся.

Анастасия Мурашка

Аркашкина клубничка

«Вот так жарища, прям как в этих ваших Африках», – подумал изнывающий от зноя ёж Аркадий. Он не знал, что такое Африка и где она находится, но однажды по весне случайно слышал разговор знакомой синицы Тамарки, жившей по соседству, с вернувшейся из теплых стран с зимовки ласточкой: «Ты понимаешь, Африка – это, ну это... Ааафрика. Жарковато, конечно, но хотя бы живешь в тепле и комфорте, а не морозишь зад по полгода. Жар костей не ломит!»

Да, действительно, денёк выдался тяжёлым: на небе – ни единого облачка, а солнце палило, не жалея ничего живого. И отдыхал бы Аркадий в своём насиженном гнезде в прохладе, но матушка его, Нина Степановна, снова завела любимую пластинку: «Аркашенька, душа моя, да когда ж ты уже съедешь на отдельную жилплощадь? Братья твои и сестра при первой же возможности родной дом покинули, пару нашли, детей нарожали, всё как у приличных ежей. А ты, бездельник, всё еще не женился и не осчастливил меня, старушку, выводком колючих внучат. На, еще замори червячка червячком, я зря что ли собирала?! И слушай меня, слушай, чего нос воротишь?! Сидишь на всём готовеньком! Пора уже давно стать самостояте...»

Дальше Аркадий дослушивать не стал, а тихонько ретировался с места словесной битвы, выиграть которую ему было не суждено. Никакая жара не могла показаться в этот момент страшнее, чем разгневанная старая ежиха, разочарованная в собственном любимом сыночке. Бесплезно пытаться в сотый раз объяснять ей, что его тонко организованная душа не позволяет поддерживать варварские обычаи, заставляющие сражаться с другими ежами за любовь. И к тому же он не так физически развит, чтобы конкурировать с кем-то, у него плоскостопие, близорукость и вообще... Однажды он встретит ту самую, которая поймет его и примет без всякого предварительного насилия. И что такого, что в своём уже довольно почтенном для ежа возрасте живет с матерью, зато ей не скучно и есть, о ком позаботиться.

Вспомнив о материнской заботе, Аркадий вздохнул, подумав о том, что всё же надо было сначала нормально поесть прежде, чем уходить из дома, живот урчал и требовал подкормки. Привычной еды не хотелось. Дабы вернуться в хотя бы относительно нормальное настроение нужно нечто особенное. Пытаясь держаться в тени, ёж бежал к краю леса, где совсем вплотную к нему расположились человеческие дачи. Там всегда находилось что-то диковинное, чем можно поживиться. А главное, там росла любимая Аркашина клубника, огромная и сочная. К ней-то и бежал, надеясь, что люди не успели собрать урожай.

Он почти бесшумно подошел к ограде, осмотрелся, насколько позволяло зрение. Не заметив ничего настораживающего, ёж пробрался знакомым маршрутом к грядке с клубникой, аромат которой разносился по всей округе. Но, увы, спелых ягод на кустах Аркадий не обнаружил. Откуда же шёл этот притягательный сладкий запах? Доверившись исключительно обонянию, Аркадий пошел искать желанную клубнику. Нос привел к компостной яме. Судя по всему, хозяйка дачи успела перебрать урожай, а все забракованные ягоды вышвырнула сюда.

Ёж так обрадовался находке, что набросился на ягоды, поедая их без разбору. Его совершенно не смутил странноватый привкус и то, как очень быстро окружающий мир начал плыть перед глазами. Кто ж знал, что от жары ягоды начнут бродить... Жизнь к такому Аркадия не готовила.

Наевшись вдоволь пьяной клубники, Аркадий осмотрелся по сторонам, насколько это было возможно, и обнаружил нечто, заставившее сердце биться чаще... В голове промелькнуло: «Вот она! Е-динст-вен-на-я!». Шатаясь и запинаясь, он пополз туда, где видел силуэт самой прекрасной ежихи в мире. Она стояла на каком-то пьедестале, всем своим видом маня к себе. Подойдя к ней, Аркадий приосанился, сделал самый уверенный вид морды, какой мог. Перед глазами все плыло. «Барышня, не желаете ли, так сказать, познакомиться для серьёз-

ных отношений с перспективным мной? – прошептал он томно. И не дожидаясь ответа, пошёл в атаку, – Можно я вас..?»

Ответа не последовало, лишь где-то вдалеке щебетали птицы. «Молчание – знак согласия!» – сказал ёж, многозначительно подмигивая, забрался на пьедестал и решительно набросился на даму, которая почему-то начала куда-то падать. Вместе с тем Аркадий почувствовал всем своим мягким брюшком боль от кучи впивающихся игл... «Какая ежиха!» – восхищенно пропищал Аркадий и потерял сознание, жаркое солнце его окончательно разморило.

Очнулся он от громкого возмущенного крика хозяйки дачи: «Какая сволочь мой кактус ободрала?! Я его на свежий воздух подышать вынесла, а ты... А ну пшёл вон!»

Аркадий до смерти испугался и бросился наутек, придя в себя только в тени куста смородины около ограды дачи. Голова раскалывалась, а все брюшко болело и чесалось, из кончика носа торчала иголка кактуса. Хромая и постанывая, он поплёлся домой, где получил новый нагоняй от Нины Степановны, пообещавшей женить его как можно скорее, хоть прямо завтра утром.

Ирина Коробейникова

Подземка

Ей повезло, она работала под землёй, а не на поверхности. Оставшиеся на улице рисковали быть расплавленными аномальным для июня жарким солнцем. В метро же царила приятная прохлада и ничто не мешало сосредоточиться. А без полной концентрации нечего было и браться за это дело.

Она решительно кивнула, упёрлась сжатыми в кулаках железными грузиками в дверной проём и с усилием вкатилась в вагон. Исподлобья окинув быстрым взглядом пассажиров, затащила своё «помогите, люди добрые...» и потихоньку двинулась между двумя рядами сидений. Трёхколёсная тележка, к которой крепилось её безногое тело, противно скрипела, перекрывая даже шум движущегося поезда. Но некоторые пассажиры были в наушниках, а некоторые, казалось, намеренно оглохли на время пути.

Незаметно для окружающих она сканировала оценивающим взглядом одного за другим.

Вот женщина с добрым лицом, в руках пакет с рассадой. Дачница. Мысленно уже в своём огороде, должна быть в приподнятом настроении. Черты лица расслаблены, слегка заметна улыбка. Притормозив около торчащих в разные стороны зелёных кустов, нищенка чуть громче затащила: «Помогите, кто чем может, дай вам бог здорооооовья...». Женщина бросила на неё раздражённый взгляд и молча отвернулась. Хм, просчёт вышел. Ладно, поехали дальше.

Так, а вот этот парень в спортивных штанах? Да нет, таким только телефоны отбирать в подворотне. Внезапно в жестянку на шее опустилась мягкая сторулёвка. Нищенка удивлённо обернулась.

– Извини, мать, сколько есть, – пожал плечами парень.

Бабулька у выхода покивала и поулыбалась, но даже не подумала поискать денег в своей кошёлочке. А мужчина, который, казалось, всё это время спал, вдруг высыпал в жестянку целую горсть мелочи.

Скрывая недоумение, она вновь мерно застучала грузиками об пол, бубня свою незамысловатую речь.

– Аня?.. – Послышался над головой знакомый голос. Нищенка резко обернулась – мужчина в очках и в недешёвом деловом костюме смотрел на неё во все глаза, держась рукой за сердце.

– Твою ж мать, Саша! Ты что здесь делаешь? Что с твоей машиной? Саша! Тебе плохо? Господи, есть валидол у кого-нибудь? – Всё это нищенка кричала, на глазах у пассажиров выкарабкиваясь из своей «колесницы» и на абсолютно здоровых ногах подбегая к мужчине, который плавно оседал на пол по стенке вагона.

– Господи-исусе, чудеса-то какие!... – Протянула бабка, мелко крестясь.

– Ага, бабуль, чудеса. Чудеса человеческой наглости, – согласился парень в спортивных, вздохнул и отвернулся к окну.

* * *

Анна Викторовна впервые за годы брака слышала, чтоб её интеллигентнейший супруг так долго и со вкусом матерился.

– Саша, ну хватит. Ты же знаешь, как мне нужна эта диссертация. Мы сейчас проведём это исследование, и я, наконец, смогу её дописать!

– Мы? Ты сказала – мы?

– Ну да, там ещё Степан Васильевич у Московского вокзала и Ирина Алексеевна у входа в часовню... Как они там, бедные, на такой жаре...

– То есть, пока студенты на каникулах, кафедра социологии нашла себе летнюю подработку?! – Истерически захихикал муж.

– Саша, перестань! Это очень важные изыскания! Я вот сегодня поняла, что, хоть я и социолог, а все мои дипломы без опыта общения с разными слоями населения в реальной жизни практически бесполезны – я совсем не разбираюсь в людях!

– Я тоже! Надо было мне на каскадёше жениться – это, как выяснилось, гораздо менее экстремальная профессия! Глядишь, седины в волосах в два раза меньше сейчас было бы! – Александр Михайлович ослабил галстук, щедро плеснул себе коньяка в бокал и рассмеялся. – Чёрт, у всех жёны как жёны, а у меня убогонькая и доктор наук одновременно – где ещё такую найдёшь!

– Кандидат пока ещё... – проворчала Анна Викторовна и заулыбалась, радуясь тому, что об остальных исследованиях муж пока не узнал.

Надя Бурлицкая

Окно напротив

Я думал, что уже выучил всех курьеров. Этот был новеньким – слишком вихрастый, слишком глупое выражение лица, слишком наглый.

Я поставил подпись на мятом листке и уже потянул на себя ручку пакета с продуктами, когда он мило ухмыльнулся и шагнул мне навстречу.

– Дурная примета – через порог передавать.

И поставил свой грязный кроссовок на территорию моего дома.

Я выдернул у него пакет и оглушительно захлопнул дверь. Жаль, не успел прищемить ему ногу. В отзыве попрошу никогда больше не присылать мне этого мудака. Стандартный набор продуктов на неделю, парочка консервов чтобы подновить запасы.

Мне двадцать семь, и уже пять с половиной лет я ни разу не выходил из дома. Предвосхищаю вопросы – я не покрыт шерстью или страшными шрамами от ожогов, у меня на месте обе ноги и руки, я не вешу два центнера. Просто не люблю людей.

Чаще всего жизнь меня устраивает. Квартира в наследство от родителей, скоростной интернет с подпиской на интересные сайты (если вы понимаете, о чем я), удаленная работа, милое хобби...

К которому я и вернулся после короткого перекуса.

Моя пятиэтажка стоит посередине тихого спального района, утопающего в зелени. Я живу на четвертом – отличная высота, почти не слышно воплей играющих на детской площадке мелких засранцев. И мой бинокль, в который я смотрю под прикрытием горшка с цветком, разглядит разве что какой-нибудь спецназовец, недавно прибывший из горячей точки.

В запасе у меня лежит карабин с оптическим прицелом. Удивительно, как много забавных игрушек можно достать, если у тебя есть деньги и правильные знакомые.

Днем я сплю или работаю (если бы у меня были друзья, я бы представлялся им программистом), а с наступлением сумерек начинаю смотреть свою человеческую комедию.

Самое вкусное время – до полуночи. Или пока кто-нибудь не вспомнит, что занавески надо закрывать. Вон в том окне почти каждый вечер скандалит семейная пара, лысый тощий мужичок и необъятная бабища, похожая на растолстевшую Мону Лизу. А тут мамаша раздает подзатыльники своим дочерям за невымытую посуду. Вон там – молодая парочка регулярно трахается на кухонном столе. Хэй, парень, а ты в курсе, что пока ты на работе, твоя девушка испытывает стол на прочность с кое-кем другим?

Я смотрел свое реалити-шоу пять лет.

А потом появилась она. Ха! Выражаюсь как спермотоксикозный школьник, который боится даже назвать свой идеал по имени. Я назвал ее Куколкой. Блондинка в очках, с вьющимися волосами и шикарной фигурой. Низкая, даже мне она бы едва доставала до плеча. Своему борову-сожителю она и вовсе дышала в пупок.

Куколка была бы моим идеалом, если бы я не стал добровольным затворником. Жесты, улыбка, манера наклонять голову набок, когда она что-то слушала... Через пару недель я плюнул на остальные окна и следил только за ней. Я не питал иллюзий, но кто запретит мне смотреть?

А через месяц сожитель впервые ее ударил. Он был боксером – крепкий жлоб с грамотами за выигранные соревнования, повешенными на стену. Ударил под дых, профессионально и зло, еще рассчитывая силу. Куколка упала на колени, жлоб вышел из кухни, хлопнув дверью.

Не знаю, из-за чего они скандалили, не умею читать по губам. Но с тех пор сожитель Куколки вошел во вкус. Сначала раз в месяц, затем раз в пару недель, затем раз в неделю. Он никогда не бил по лицу, пускал в ход только кулаки, но ей больше и не требовалось. Она смотрела на него, как собака, преданно и страдающе. И ничего не делала.

В один день я решился. Побрился, помылся, подстриг ногти... и вышел на улицу.

Это была длинная прогулка. Я хотел вернуться в свою безопасную бетонную коробку, но когда вспоминал лицо Куколки, шел дальше. Я обманул домофон, вошел внутрь, нажал на звонок. Я был героем, ослепшим от дневного света впервые за пять лет.

Дверь открылась. На пороге стоял жлоб, который оказался шире меня в плечах в два раза.
– Чего надо?

Что я ему мог сказать? «Я видел, как ты бьешь свою женщину, потому что я регулярно подсматриваю за своими соседями»? «Прекрати, а не то...»

– Ты чего, парень? Заболел?

По моему виску сбежала струйка пота.

– Адресом ошибся.

– Катись отсюда.

И я покатился. Пытался убедить себя: может она ему изменила, или ведет себя как сука, и вообще нечего лезть в чужую жизнь.

Чтобы успокоить совесть я написал заявление в полицию. Вечером после визита участкового Куколке досталось особенно сильно. Я видел в прицел, как она поднялась с пола и ушла из кадра. Скорее всего, в душ.

Она вышла из подъезда через час в куртке с длинными рукавами и джинсах, села на качели во дворе.

У меня тряслись руки, когда я застегивал свою лучшую рубашку. Боялся не успеть, потел, как свинья (ого, да ты прямо зачастил на улицу, сукин сын!)

– Привет. Можно я тут рядом посижу?

Она отвернула от меня лицо так, что я видел только ее профиль и завязанные в хвост волосы. И длинные синяки на белой коже шеи.

– Слушай, как тебя зовут?

Куколка наконец ко мне повернулась. В летних сумерках ее глаза казались черными провалами.

– Лиза.

– Лиза, я все знаю. Я знаю, что он тебя бьет, только что тебя бил. Почему ты это все терпишь? Ты же молодая, красивая девушка, почему ты не уйдешь от него?

Я стоял и дрожал перед ней. Я не умел говорить с людьми. И сейчас нес какую-то уродливую чушь.

– Ты можешь пожить у меня, я тебя пальцем не трону!

– Эй, шкет, а ну отойди отсюда.

За моей спиной стоял жлоб. Ну конечно, он не мог отпустить свою любимую игрушку без присмотра.

– Чё стоишь? Ускорение придать? – он развернулся к Куколке. – Пойдем, надо поговорить.

Я себя ненавидел, когда брал свою любимую оптику и смотрел в окно напротив.

Они и правда говорили, вполне спокойно. На столе стояла пара бутылок пива, нехитрая закуска. Я видел только напряженную спину Куколки и кулаки жлоба. В какой-то момент он встал и положил ей руки на плечи. Меня затошнило, я отвел взгляд, но через минуту пересилил себя и снова заглянул в прицел.

Падая, Куколка ударилась головой о край кухонного стола. На светло-сером мраморе столешницы остался красный смазанный след.

Когда-то, покупая карабин, я не хотел брать к нему патроны. Чтобы не было искушений. Мало ли, вдруг мне однажды снесет крышу, и вдохновившись Брейвиком, я стану отстреливать детишек.

Как же хорошо, что я передумал.

Я не дышу, я смотрю в прицел и совмещаю мушку с головой мужчины, склонившегося над телом.

Я нажимаю на спусковой крючок.

Марианна Ли

Мечта о море

Серо-белый, покрытый песчаной пылью, гравий шуршал под колесами. Прохладный попутный ветер приятно дул в спину, заодно увеличивая скорость велосипеда. Тело начало уставать от долгой езды, но останавливаться ещё не хотелось. В голове было безмятежно и тихо, мысли не отвлекали и не беспокоили, их вообще не было, этих мыслей. Был шорох травы и листьев деревьев, растущих вдоль дороги, весёлый стрекот кузнечиков и отдаленные звуки птичьего щебетания...

Он с детства любил море. И кататься на велосипеде.

Незадолго до собственного тридцатипятилетия он решил исполнить свою детскую мечту и доехать из дома до моря.

От Москвы до Черного моря. На велосипеде.

Решение пришло сразу и окончательно, как будто давно сформировавшаяся где-то в подкорке и плотно там засевшая идея нашла выход и приняла очень четкие очертания. Он вообще любил всё четкое, ясное и понятное. Поэтому и маршрут родился быстро, как и сроки поездки, схема путешествия, список всего необходимого.

В общей сложности подготовка заняла месяц.

На работе он взял административный отпуск, который дали не без труда, конечно, но в итоге всё сложилось именно так, как нужно.

С женой было сложнее. Она всегда чувствовала его с полутона и понимала с полуслова, поэтому назвать это блажью ей было трудно. Пару раз она предприняла попытку уговорить его поехать вместе, семьей, как делали уже не раз. Попытки были безуспешными, на увещевания он не поддавался.

Дети перспективу папиной одиночной, если не сказать единоличной, поездки восприняли со свойственным детям воодушевлением. Он, естественно, наобещал им много-много подарков, морских сувениров, фотографий и пакет ракушек всех возможных оттенков. Всё, как просили... Младшая уговорила взять в поездку плюшевую обезьянку, чтобы ему было не очень одиноко в пути, а она, в свою очередь, посмотрела бы мир. Обезьянка комфортно разместилась на раме велосипеда, закреплённая скотчем в несколько слоев и смотрящая в даль, задумчиво, но с надеждой на интересное путешествие.

Друзья удивлялись его неожиданной идее, поддерживали или подшучивали над ним, обзывали «Афанасием Никитиным на велосипеде». Хорошо, что не Иваном Сусаниным... Чтобы реабилитироваться, он планировал размещать фото во всех доступных ему соцсетях, но решив, что переоценил возможности интернета в полях центра и юга России, вынужден был ограничиться ведением видеодневника поездки для жены.

Многолюдная Москва с её смогом, бесконечными пробками, шумом и гамом осталась позади. Его ждали почти тридцать дней пути по полям, автотрассам, городам и деревням, мостам и проселочным дорогам.

Путешествие не было прихотью, необходимостью самоутвердиться, стремлением отказать от привычной, комфортной, благополучной жизни, жадной экстрима или желанием доказать что-то.

Просто мечты должны исполняться, даже детские.

Особенно детские.

А, кроме того, как было в том хорошем французском фильме?.. «На небе только и разговоров, что о море и о закате...»

Месяц назад он узнал о диагнозе. Головной мозг. Рак. 4 стадия. Когда делать операцию уже поздно, а чувствуешь себя вполне здоровым. И сильным. Достаточно сильным, чтобы исполнить свою мечту.

Татьяна Козлова

Вояж «Дамы с собачкой»

Поворот ключа и замок тихо щёлкнув закрылся «как надо».

Глухо звякнули о дно почтового ящика ключи.

Вот и всё. Дороги назад нет.

Оксана поправила ремень дорожной сумки, прижала к груди Снежжка и медленно ступая, вышла из подъезда.

Ещё вчера... Нет, ещё сегодня утром, жизнь казалась такой же прекрасной как летний день. Но и летом, как известно, можно попасть в грозу.

Вот такая «гроза с молниями» пару часов назад и отгремела в квартире, которую Оксана привыкла называть домом...

Сердце кольнуло сожалением.

Эх, не нужно ей было «заплывать за буйки», настаивая на своем. Ну вот почему она просто не закрыла рот в нужное время, а? Ведь знала же, знала, что спорить и убеждать занятие бесполезное...

Но что сказано, то сказано.

Что сделано, то сделано.

А значит, ей пора в дорогу...

Посчитаем «наличку» – мало, очень мало. Практически ничего...

Да, она знала, где лежат «общие деньги», но уходя навсегда, взяла только те, которые смогла сама накопить. Из принципа.

Пусть этих денег, совсем мало, пусть.

Но до Нижнего ей должно хватить, а там...

На железнодорожном вокзале было шумно и душно. Лето, вторая половина дня, пятница – было бы странно, если бы было по-другому...

Первые несколько остановок Оксана со Снежжком не отлипали от окна.

А посмотреть было на что. Сначала за окном проплывали районы города, в которых ни она, ни тем более Снежжок, никогда не были. Затем замелькали всякие ёлки, берёзки и прочая «окружающая среда», а потом медленно и величественно садилось солнце...

Люди входили и выходили, а электричка всё ползла и ползла, как ленивая гусеница. Со всеми остановками...

Иногда её спрашивали, куда это едет «дама с собачкой»? Она честно отвечала, что едет к бабушке, и люди отставали.

Ведь лето, оно для того и существует, чтобы ездить к бабушкам.

Уже где-то часа через два пути, Оксана поняла, что, наверное, она погорячилась. Что не надо было уходить вот так – внезапно, в никуда и без всего.

А когда электричка всё-таки добралась до Нижнего, Оксане больше всего хотелось вернуться домой.

И пусть её отругают, пусть. Главное снова оказаться дома...

Но денег на обратную дорогу не было, а значит оставалось только идти вперёд.

Солнце давно село, над чужим городом сгустились сумерки, она устала и проголодалась.

И если бы не Снежжок, которого Оксана прижимала к груди всё крепче, она бы, наверное, просто села на асфальт прямо посреди улицы и расплакалась.

Не плачь, Снежжок, всё будет хорошо – приговаривала Оксана, из последних сил сдерживая слезы... Но они почему-то все равно капали и капали...

Потом на улицах зажглись фонари, город перестал быть незнакомым и страшным, и все постепенно стало становиться хорошо.

Каким-то чудом вспомнился номер маршрутки, которая останавливалась совсем рядом с домом бабушки.

Ещё большим чудом нашелся дом, затем подъезд и квартира.

А потом... Потом Оксана нажала на кнопку звонка, надеясь, что чудеса не прекратятся и бабушка окажется дома. Хотя, где ей ещё быть, ночью то? Она же бабушка!

Ты? Что случилось? И... где родители? – спросила бабушка, открыв дверь.

А потом, поняв, что внучка-второклассница приехала из другого города совершенно одна, очень тихо уточнила – "ты хоть записку им оставила, что ко мне едешь?"

Оксана только молча мотнула головой. Сил оправдываться или объяснять причины своего поступка уже не было...

Родителям тут же позвонили.

Засыпающую на ходу девчушку накормили и уложили спать.

А Снежок – белоснежный игрушечный щенок, сторожил сон своей хозяйки, сидя на подушке...

Утром приехали родители и всё стало совсем хорошо. Ну, или как-то так.

Став взрослой, Оксана много и часто путешествовала, но именно «вояж дамы с собачкой» навсегда остался самой длинной поездкой в ее жизни.

Елена Гольдберг

Он никогда не был на войне

Именно в этом убеждали его дребезжащие, прерывающиеся голоса его детей и внуков – современным смартфонам он упрямо предпочитал советский телефон с аккуратной прямоугольной трубкой, выдававший изо дня в день бойкую трель, знаменующую очередной звонок от близких.

Именно это доказывал город за окном, где нет зимы, а тёплое море приветливо распадается навстречу небу, чтобы слиться с ним на линии горизонта. Даже рыжий кот, устроившийся на коленях, казался чем-то фундаментальным, будто само его присутствие являлось весомым аргументом.

Войны не было. Не здесь.

Он почти верил в это, но шрамы на груди не давали покоя, день за днём вгоняя разум в смятение. Почему-то мужчина не помнил, как их получил. Дочь отшучивалась, что все мужчины – чудом выжившие дети; даже её годовалый сынишка уже успел ступить на путь мужского безрассудства и заработал шишку.

Он кивал голосу в трубке, но понимал, что не успокоится, пока не получит ответ.

Понимал он и то, что цена этого ответа может быть велика.

Радио изредка сбоило, и выдавало треск, в котором ему ясно слышались свист пуль и грохот взрывов. Он находил в доме клочки бумаги, на которых его рукой были выведены слова. Мужчина не помнил, как их писал, но звучали они каждый раз словно предупреждение.

«Не открывай коробку под кроватью».

«Не смотри».

«Не ищи правды».

«Забудь».

И десятки подобных.

Поначалу он пугался, но быстро привык выкидывать послания, не читая – он слишком стар, чтобы волноваться по такому поводу. Всё перевернула последняя найденная записка. Прежде, чем отправить её в мусор, мужчина бросил на содержимое косой взгляд и впервые увидел вместо предупреждений имя. Женское имя. Как он ни старался, произнести его вслух не получалось: звуки комом застревали в горле, а внезапно пересохшие губы отказывались шевелиться. Именно в этот момент радио, исправно выводившее романс, вновь засбоило, и он воспринял это как знак.

Он решился.

Он был уверен, что под кроватью нет никакой коробки, от того и заглядывать под неё было даже как-то неловко. Мужчина опустился на колени, припав головой почти к самому полу, – спина тут же безжалостно хрустнула, – и закашлялся: пыли скопилось до неприличия много. Он попытался вспомнить, кто и когда в последний раз здесь убирался. И не смог.

Но в дальнем углу он увидел её и на секунду забыл, как дышать.

Картонная, обшарпанная коробка. Она, возможно, знала о нём гораздо больше, чем он мог представить. В ушах засвистело, а в сердце зашевелился животный страх.

«Не смотри», – предупреждала бумага его почерком.

Его окружают любимые, он живёт у моря в родном краю, даже рыжий кот, о котором в тайне с детства мечтал, мурчит и трётся об ноги. Может, не стоит ворошить былое?

Он поставил коробку на пол и уже собирался толкнуть её назад, подальше к стене, но застыл. Сколько раз он уже держал в руках эту коробку в нерешительности? И сколько раз ещё достанет её? Нет уж! Пусть он и не помнил многого, но точно знал, что трусом никогда

не был. Не давая себе времени на раздумья, мужчина поставил коробку на стол и решительно сдернул крышку.

Ветхий альбом с фотографиями. Три медали. Удостоверение.

Радио за спиной зашипело и разразилось маршем.

Он действительно воевал! Как он только мог забыть?

В памяти одно за другим всплывали лица и имена товарищей, живых и погибших на его глазах. Глухо вздымалась земля, почти осязаемо вибрировал воздух, а он всё шёл вперед, будто заговорённый. Скорее, скорее... Он помнил, как поднял со своими товарищами флаг – кусочек родного неба в чужой, кровавадной стране. Лишь бы она увидела, что он сильный. Лишь бы не поняла цену. Кто она? Он не помнил.

Да и важно ли?

Исполненный гордости, он с нетерпением стал ждать звонка, чтобы рассказать детям и внукам множество сокровенных историй. Но впервые телефон молчал.

Молчал он и на следующий день, и через день, и через неделю.

Он волновался и пытался звонить сам, но ни один из известных ему номеров не отвечал. Даже пушистый друг умудрялся не попадаться на глаза, хотя блюдо с едой пустело регулярно. Небо же, обычно солнечное, хмурилось третий день подряд, и мужчина впервые за много лет почувствовал, что ему холодно. Холодно и одиноко. На улицу выходить категорически не хотелось, а радио всё чаще и чаще уходило в мир помех, лишая его последнего развлечения.

И тут мужчина вспомнил об альбоме. Тот остался на столе, нетронутый. К нему не хотелось прикасаться совершенно: в голове тут же всплывало то самое «не смотри», и моментально пропадал весь настрой. Но сейчас скука и любопытство взяли верх. Он сел за стол, нерешительно погладил потрескавшуюся обложку и медленно перевернул её.

Застывший мир тут же пришёл в движение, ждавший этой неотвратимой минуты долгие-долгие годы.

Имя.

Когда-то давно, ещё будучи подростком, он поспорил с девочкой на морском берегу, что заплывёт за границу, очерченную полосой буйков. Была поздняя осень, но он плыл. Плыл, чувствуя на коже неприветливо-холодное касание воды, но ночной воздух был гораздо холоднее. Казалось, что даже мозг его сводит судорогой; ещё чуть-чуть – и он пойдёт ко дну, но упрямство и что-то ещё, обжигающе-горячее в груди, тянули его в глубину, дальше, ещё дальше...

Она проиграла пари, и он получил свой поцелуй.

Рыжие волосы, веснушки на плечах.

Нескладная, долговязая и бесконечно тёплая.

Имя, написанное в последней записке, принадлежало ей.

«Видишь пятна? Одинаковые».

Он закивал и, не отпуская фотографию, посмотрел на тыльную сторону ладони.

«Мы так связаны. Ты и я. Навсегда».

Родимое пятно.

Его руки задрожали; кожа покрылась мурашками, словно вновь соприкоснулась с остывающей солью осеннего моря.

Он помнил тепло руки с таким же пятном. Он держал эту руку крепко-крепко, и отпустил лишь раз.

Этого оказалось достаточно.

Она бежит по полю и смеётся, машет ему ладонью с родимым пятном.

Мина.

Война, которая, как он думал, закончилась, на самом деле только начиналась.

Взметнулись рыжие волосы; рассыпались веснушки с её плечей осколками на его груди.

И не было её больше.

Не было детей. Не было внуков.

Не было города с вечным летом и дразняще-близким морем, а за окном уже второй месяц тянулась зима, окутавшая землю чужой страны.

Не было кота. Сердобольная соседка заходила в гости, ставила чайник и каждый раз мыла блюда, но не решалась убрать его совсем, боясь потревожить покой несчастного, выжившего из ума старика.

Были только альбом, три медали, россыпь шрамов на груди да кусочек родного неба в пустых глазах давно умершего солдата.

Пропел дверной звонок, и квартира вмиг наполнилась смехом: приехали дети с внуками, смешными, рыжими, нескладными, но бесконечно тёплыми.

Радио говорит на языке его молодости, голосами тех, кого давно уже нет. На кухне вовсю кипит чайник, и нож бойко стучит о разделочную доску – то хлопочет хозяйка, желая порадовать неожиданных гостей. Её волосы, некогда рыжие, наспех подобраны в пучок, а загорелые плечи усыпаны веснушками. У её ног вальяжно гуляет рыжий кот.

В открытое нараспашку окно тёплый летний ветер приносит терпкий запах города, в котором не бывает зимы – запах моря. Он сидит на подоконнике и складывает исписанные листы в самолетики. Она смеётся, называет его мальчишкой, а он и рад. Очерченное буйками море знакомо до дыр, и не надо ему более никаких глубин.

Он набирает полную грудь воздуха и зовёт её по имени, которое звучит как гимн, абсолютное и неопровержимое доказательство.

Он никогда не был на войне.

Ксения Кондрашова

Два августа

Сигарета вырвалась из моей нервной хватки.

– Черт! – шёпот в ночи показался змеиным шипением.

Спина дугой – не выпрямиться. Так и сижу, подтянув колени к впавшей груди.

Душно. Душно. Душно.

«Это лето самое жаркое из всех» – подумалось мне.

Наклоняюсь с балкона и вдыхаю полной грудью – воздух плотный, липкий, тягучий – как раз для середины августа и купания в ледяной горной реке.

Духота. Август. Речка.

Как же я могла забыть?

– Это лето самое жаркое из всех! – залиvisto кричу я ребятам, делаю вид, что всегда такая жизнерадостная. Тихо надеюсь, что мой ровный, разливающийся бронзой загар видно издали – мальчики плетутся далеко позади.

Разворачиваюсь и бегу обратно к ребятам.

– Я с вами, – коротко поясняю я. Конечно, избегаю идти рядом с ним – вдруг заговорит, а я смогу только проблеять что-нибудь нечленораздельное в ответ. Возле меня, подпрыгивая, почти бежит Веня. Дальше вышагивают близнецы. А у самой обочины, подпывая камнями, идёт Саня. С Саней мы все познакомились только этим летом – бабушка его переехала в нашу деревню пару месяцев назад. Но для нашей компании лето в деревне – обычное дело. Я помню, как близнецы ещё писались в кровать и наутро обвиняли друг друга в случившемся. Теперь же нам по семнадцать – последнее лето вместе.

Может поэтому мы реже друг друга подстёбываем и больше хотим быть рядом? Я бы вообще от ребят не отходила ни на шаг, но появился Саня. Его кучерявый чуб, сережка в левом ухе. Его музыкальный вкус и рюкзак, всегда полный еды. Его нос с горбинкой и темные-тёмные глаза. Его привычка пристально смотреть на собеседника, не отвлекаясь, не отводя взгляда – прямо в душу.

Поэтому это лето я больше провожу с местными девочками, хотя тянет меня к кудрявой темной шевелюре и большим тёплым ладоням. Хотя я не знаю наверняка, тёплые они или нет, но позволяю себе помечтать.

Той же ночью мы остаёмся одни на берегу реки далеко от дома – компания давно улеглась в спальные мешки, а я всё боялась уснуть, он-то не спит.

– Давай купаться?

Если скажу «нет», подумает, что трусиха, если соглашусь, рискую замёрзнуть до смерти.

Молча подрываюсь с места, туника светлым пятном приземляется в темноту камней. Он хохочет, попутно стягивая футболку подобно всем мужчинам – хватается на спине у шеи и тянет через голову. Я замираю – нет ничего интимнее, чем наблюдать, как раздевается человек. Этот жест оголения вгоняет меня в краску, поэтому от смущения так же резко бросаюсь в воду.

Обжигает!

Я тут же начинаю стучать зубами. Саня с воплем прыгает вслед за мной.

Мы молча разрезаем воду быстрыми движениями, а иначе унесёт вниз по реке, и наши бабушки выловят хладные трупы в соседнем селе.

– Как ты быстро замёрзла! Хочешь, вылезем?

– Всё в порядке. Освежает. – Я пытаюсь улыбнуться, но губы не слушаются.

– Мама всегда говорила мне: молчи – сойдёшь за умного. У тебя это получается отлично. В смысле не притворяться умной, а молчать, – неожиданно смущается он.

– Не могу принять комплимент. Лучше болтать без умолку, чем тонуть в затянувшейся тишине, – я сильно волнуюсь и не могу одновременно работать руками и языком, поэтому течение резко уносит меня дальше от него. Начинаю паниковать – я никогда не плавала в этом месте, течение сильнее, чем возле деревни. Задеваю ногой большой камень, пытаюсь удержаться на нём – почти получается. Саня хватается меня за руку, подплывает ближе и встаёт рядом со мной. Кажется, я даже могу разглядеть крапинки в его глазах. Но это обман – по факту не видно ничего, кроме силуэтов.

– Ты мне дико дико дико нравишься, – его дыхание прерывается. То ли от волнения, то ли от усилий, чтобы устоять на камне.

Он меня целует. Кажется, я больше никогда не смогу дышать. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мне больше не холодно. Мне тепло, жар разносится по всему телу – разве может быть где-то теплее – солнце живёт внутри меня, пробирается лучами к кончикам пальцев, покалывает кожу и вырывается наружу. Нас видно из космоса, так мы светимся. Он отстраняется, но солнце внутри не гаснет.

В этот момент потоки воды всё же срывают нас с места. Но мне почему-то больше не страшно, я визжу, хохочу, пытаюсь не захлебнуться. Он смеётся вместе со мной.

Нас уносит достаточно далеко – будь я одна, напугалась бы до смерти.

Наконец удаётся подплыть ближе к берегу. Мы вылезаем без сил, но надо ещё дойти до нашего лагеря – там спасительные полотенца и чай в термосе вроде оставался. Чувствую, как летняя жара сменяется прохладным ветром осени – скоро уезжать. Ещё больше покрываюсь мурашками. Саня хватается меня за руку – ладонь тёплая, я так и знала.

Бежим до наших и сидим остаток ночи под одним полотенцем.

Он заглядывает на балкон.

– Как же меня задолбало, что ты куришь!

– Как же меня задолбало, что тебя всё задолбало, – огрызаюсь я и протискиваюсь в комнату. Здесь совсем нечем дышать. И, кажется, дело совсем не в воздухе. Он резко разворачивается и пристально смотрит мне в глаза. Ненавижу, когда он так делает. Как падальщик, который ждёт скорой смерти своей жертвы.

Я глубоко вдыхаю и выдыхаю пять раз – дурацкие рекомендации семейного психолога. Пытаюсь вспомнить, что делать дальше. Ах, да. Говорить о чувствах. Говорить. Говорить.

Прочищаю горло: «Помнишь наш поцелуй на реке?»

Он слегка теряется, и на мгновение злой прищур сменяется простым удивлением.

Молчит.

Я продолжаю:

– Я тогда думала, что проглотила солнце, – пытаюсь улыбнуться, но не выходит. Наверное, от холода, который исходит от мужа волнами – лучше замерзнуть в той ледяной речке, чем вдыхать его душную, но холодную злость.

– Через два года после на этом же месте чуть не утонула соседская девочка, еле спасли. Это место и впрямь было опасным для купания.

– У меня разряд по плаванию, ты забыла? – на удивление его тон смягчился. Я с надеждой подвигаюсь ближе.

– Поэтому я и согласилась на эту авантюру, – уже искренне улыбаюсь. Он приподнимает уголок рта. Усмешка получается горькой, но кто сетует на временное затишье посреди войны?

– Это был действительно экстремальный поцелуй. О чем мы только думали? – он садится рядом и продолжает, – хорошо, что всё хорошо закончилось.

– Надеюсь, ещё не закончилось... – я осторожно кладу голову ему на плечо. Он не отодвигается.

Балконная дверь распахивается – подул прохладный осенний ветер, вытолкнув духоту наружу, прочь из квартиры.

Анна Палий

Долгий путь к морю

Он никогда не был на море. Не хотел. И даже был против. Со временем его перестали спрашивать об этом, перестали звать, зачем? Море – это ведь не обязательно, это просто один из видов отдыха. А он отдыхал по-другому. Человек земли. Ему нравилась земля. Нравилось трудиться на земле и видеть плоды своих трудов. И другого отдыха для себя он не видел, не представлял и не хотел. Когда немногочисленные друзья привозили сувениры он был к ним благодушно-равнодушен. Глупости это всё. Не нужно.

Море не коснулось его и тогда, когда сестра переехала на побережье. Это просто место жительства, ничем не отличается от других. Климат, наверное, теплее, чем у нас, капуста расти будет лучше. Когда сестра заболела, он надеялся на медицину, на то что сейчас лечат всё. А когда умерла – стало уже и ни к чему. Теперь-то спешить не надо, не к кому. Можно и потом съездить. В другой раз. В другой жизни.

Но жизнь всё время была одной и той же. Вначале жена, дочь, работа. Дача по вечерам и выходным. И ничего больше не нужно. Ни окружающим от него, ни уж тем более ему от них. Не нужно даже чтоб помогали, он сам. Не нужно даже, чтобы было нужно. Сам вырастит, сам переработает, сам раздаст излишки.

Шли годы. Дочь выросла и начала жить самостоятельно. Жена отдалилась от него за стену непонимания и, положа руку на сердце, ему это было безразлично. Если не сказать приятно. Если не сказать, что именно то, что нужно.

А потом настало чудесное время. Кто-то его страшился, но только не он. Что может быть лучше этой свободы от указаний начальника, планёрок, авралов, ожиданий выволочек и утомительного общения с коллегами! Все свои дни теперь он посвящал своей религии – копал, сажал, растил. Придумывал, строил, осуществлял. Создавал понятный только ему мир.

Жена всё больше времени отдавала внукам, погружалась в них. Их судьбы расходились как две прямые, точка пересечения которых давно миновала. Когда жена переехала жить к дочери это показалось всем таким естественным, что даже не возникло необходимости что-то обсуждать. А потом зятю предложили работу из тех, от которых не отказываются. За полторы тысячи километров. И как-то так само собой получилось, что он остался один.

Одиночество его окрылило. Было поразительно сложно выдумывать понятные для случайных знакомых причины его неуместно хорошего настроения. Он чувствовал себя птицей додо, которая мало того что ожила, так ещё и полетела! С той радостью, с которой совершаются простые, но гениальные открытия он понял, что вообще не был создан для семейной жизни. Человек безусловно создан для счастья как комар для ночного писка, но кто определил, что это счастье для всех и каждого заключено в брачных узах? Семья сковывала его и заставляла прятаться от самого себя. И только сейчас, когда всей жизни осталось до смешного мало, он увидел бесконечное многоцветие этого мира.

Стоя посреди своих идеальных грядок и клумб, он вдруг отчётливо ощутил – а ведь он никогда не был на море... Мысль напугала. Она была слишком «не его». Слишком из той жизни, от которой он всегда отмахивался. И вот вдруг – море...

Чемодана не оказалось. Откуда, собственно, ему было взяться? В дальнем углу антресоли нашлась старая спортивная сумка дочери. Что берут с собой на море? Где там живут? Что едят? Да к черту все вопросы!

С билетом на поезд неожиданно повезло. Вагон хоть и без кондиционера, зато полка нижняя. Правда боковая. Но не у туалета. В общем нормальный билет, последний, выбирать всё равно было не из чего. Решимость доехать до моря начала ослабевать после двадцати часов, проведенных среди потных, чужих людей, их галдящих детей и не слишком аппетитно пахну-

щей на жаре пищи. А впереди еще десять... Мысли потянулись назад к даче, к вянущим помидорам и засыхающим шпалерным розам. Но поезд – не такси, так просто назад не повернёшь.

Вечерний перрон встретил радостным гомоном десятков голосов. И ветром. И запахом воды. Вокзал стоял совсем на берегу. И он пошел на море. Мимо суетливых мамаш и их орущих младенцев, мимо зазывающих таксистов, мимо строго глядящих полицейских. Он приехал не к ним. Он приехал к морю.

Пляж был галечным вперемешку с персиковыми косточками. Тихий, ни с чем не сравнимый перестук камешков, перекачиваемых легкой вечерней волной был его музыкой. Солнце, медленно опускающееся в воду на далеком горизонте, было его картиной. Он впитывал в себя все эти звуки, цвета, запахи. Он ощущал как они наполняют его, как когда-то могла наполнить только работа на земле. Он понимал, что только сейчас, наедине с собой, может все это оценить и принять. Ни с кем не делиться, ни под кого не подстраиваться. Только он и море.

– Дедушка!

...

Такой знакомый детский голос. Что-то ёкнуло в груди. Он обернулся. Маленький мальчик махал рукой плывущему от буйков мужчине. Ох. Слава богу, облегчение, не ему.

Марина Костюченко

Подарок на годовщину

– Так куда мы едем?

– Я же сказал, это сюрприз, – Алекс загадочно улыбается.

– Ну сюрприз так сюрприз, – я перевожу взгляд на дорогу. Горы, река и ни одной машины по встрече. Игрет Мьюз, я тихонько подпеваю. За год, что мы вместе, я успела выучить их песни почти наизусть.

Вот мы сворачиваем на грунтовку, скорость падает. Шуршит гравий. Дорога ведет вверх. Наверное, это будет пикник с красивым видом?

Наконец, мы на вершине – широкой плоской площадке, поросшей травой. Алекс глушит мотор, мы выходим. Впереди замечаю огромное красно-голубое полотно, разложенное на земле, и человека в шлеме и алой ветрозащитной куртке. Он приветливо машет нам рукой.

Я начинаю подозревать, зачем мы здесь. По спине бегут мурашки, внутри – смесь страха и предвкушения.

– Привет, я Марк, – говорит мужчина, когда мы подходим ближе.

– Анна, – бормочу я, улыбаясь.

– Марк мой старый приятель, – поясняет Алекс.

– Значит, твой сюрприз...

– Полет на параплане.

– Но... я никогда не делала ничего подобного, я же не умею!

– Мы полетим вместе. Тебе ничего не нужно будет делать.

– Вместе? Но ты... Разве ты умеешь?..

– Да. Мы учились вместе с Марком несколько лет назад.

– Ты никогда не говорил, что летаешь на параплане!

– Да как-то к слову не приходилось, – хитро отвечает Алекс, и я понимаю, что не говорил он специально, а этот сюрприз задуман давно.

Я отвожу взгляд. Параплан. Самым большим экстримом в моей жизни была езда на велосипеде.

– Я взял все необходимое. Но если ты не хочешь или боишься, просто скажи.

Я с любопытством рассматриваю крыло. Переплетение красного и голубого. Яркое и красивое, как редкая тропическая бабочка.

– Нет, я... я хочу. Просто немного волнуюсь.

– Не бойся, – Алекс нежно сжимает мои пальцы. – Я же буду с тобой. Ну что, летим?

Я киваю. Ноги становятся ватными. Алекс достает из багажника вещи, помогает мне закрепить шлем.

– Все просто, – он протягивает мне нечто, похожее на рюкзак с кучей веревок и ремешков. – Вот сюда руки. Так. Хорошо, – застегивает крепление на груди. – Запомни: ничего не делать без моей команды. Команд всего три, – Алекс методично затягивает ремни вокруг моих бедер, проверяя крепления на прочность. – Первая команда «бежать». Ты бежишь. Затем команда «назад» – ты делаешь движение, будто садишься кресло. Мы летим. Когда будем снижаться, снова команда «бежать». Ты должна начать еще в воздухе. Это важно, иначе при посадке ты замешкаешься и упадешь. Так что ты бежишь, пока я не скажу «стоп». Все понятно? – спрашивает он, выпрямляясь и глядя мне в глаза.

– Нет, – бормочу я в панике, проговаривая про себя последовательность действий. – Повтори пожалуйста.

– Просто слушай меня внимательно, и все будет хорошо, – Алекс улыбается, целует меня в нос и закрепляет оборудование на себе.

– Готовы? – спрашивает Марк.

– Да, – Алекс встает позади меня. Ко мне снова что-то пристегивают, но я уже не обращаю на это внимания, только заворуженно смотрю на обрыв впереди.

Ветер треплет волосы, торчащие из-под шлема. В голове совсем пусто.

– Бежать.

Я бегу. Вперед. К пропасти. Слышу шуршание крыла, чувствую, как натягиваются стропы. Сердце колотится, как сумасшедшее. Теперь мне по-настоящему страшно. Я вся превратилась в страх, но понимаю, что остановиться уже нельзя – крыло, наполненное воздухом, не позволит.

Обрыв. Паника. Ноги отрываются от земли.

– Назад, – командует Алекс, и мое тело послушно проваливается в сидение. И в этот самый момент страх отступает. Кажется, какая-то большая добрая сила подхватила меня и качает, как качала мама в далеком, почти забытом детстве. Ком в горле, и вот я беззвучно плачу. Или это просто глаза слезятся от ветра?

– Ну, ты как?

Я не могу говорить. Еще никогда в жизни я так живо не ощущала себя в настоящем. В моменте. Хочется, чтобы время остановилось. Хочется раствориться, впитать, вобрать в себя каждую частицу мира, стать с ним единым целым. Меня переполняет жизнь, восторг и бесконечная свобода.

Я лечу, как в волшебном сне. Лечу над фьордом, широко расправив руки, навстречу ветру. Вокруг – ярко-изумрудные склоны гор, усыпанные розовыми пятнами иван-чая. Далеко внизу – вода: ее ярко-синюю гладь разрезают маленькие, словно игрушечные белые паромы. По обоим берегам раскиданы аккуратные домики с травяными крышами. Впереди – холодное северное солнце. Я знаю, что оно не сядет за горизонт, и от этой мысли кровь в венах бежит быстрее. Если бы я могла задержать его, не отпускать в долгую полярную ночь! Но это невозможно. Все идет своим чередом. На смену бесконечному дню придут несколько месяцев темноты. А после снова настанет время света.

– Тебе страшно?

Я мотаю головой, надеясь, что Алекс поймет. Язык все еще не слушается.

Ветер плавно подкидывает нас вверх-вниз, мы парим, покачиваясь, и медленно снижаемся. Вот домики, паромы и деревья становятся крупнее, а прямо под ногами появляется большая зеленая поляна.

– Бежать, – отрывисто командует Алекс, и я послушно болтаю ногами в воздухе. Земля все ближе, но я не успеваю испугаться, только чувствую толчок и по инерции делаю несколько быстрых широких шагов.

– Стоп.

Крыло тихо опускается позади нас. Я поворачиваюсь к Алексу, обнимаю, утыкаюсь носом в ложбинку между плечом и шеей.

– Спасибо, – шепчу я. – Это было невероятно.

– Подарок на годовщину удался?

София Эдель

До цигундера

Дело было в 2007, хотя началось все, конечно, немножко раньше.

Однажды мой прекрасный в своем стремлении объять необъятное и мороженку на сдачу батюшка притарабанил в Молдову цигун. Возможно, контрабандой, или как там ввозят легальные, но глубоко восточные штуки. Возможно, его единопричастность к данному вопросу лишь семейная легенда, но тем интереснее.

Факт в том, что цигуна нам досталось навалом, во всех его формах. Папа в этом вопросе удивительно консервативен: мужик должен притащить домой мамонта, а то, что он в дом не влезает, это вообще не проблема мужика. С настройками фильтров для мамонта тоже бывают огрехи, – однажды папа нашел кошечку Глашу, которая вероломно оказалась Мурзиком, – ну да ладно.

Итак, цигун. Привезенных запасов цигуна хватило бы на взвод военнопленных китайцев, даже если бы часть из них оказалась женщинами и они все резво начали бы плодиться в отдельное цигунно-коммунистическое государство. Но! мамонт должен быть не только большим, но и легкоусвояемым, а где лучше всего усваивать китайский цигун?

Естественно, Новосибирск!

Итак, август, жара, мои первые университетские каникулы и мы пилим на озеро Телецкое. Перелёты Кишинёв-Москва, Москва-Новосибирск, оттуда 6 часов в маршрутке под Бандинский Петербург и далее лодочкой до базы на озере. Легкоусвояемость цигуна должна быть заслужена в неравном бою с логикой, такие дела.

10 дней трудовыебудней потом, кстати, открыли мне-таки новые грани меня. Все такое вкусное, невозможно остановиться на одной истории:

– На первом же утреннем занятии, начавшемся в 6 мать их часов утра, меня стошнило. Так сова победила человека разумного и уложила его на лопатки досыпать.

– 10 дней вынужденного вегетарианства (если что, котлеты из гречки не пахнут котлетами, не похожи на котлеты и вообще к слову «котлеты» не имеют отношения) заставили меня пересмотреть отношение к еде. Так мой внутренний хищник победил внутреннего кролика.

– Кстати, цигуном дело не ограничилось, и я, в нарушение всех правил и контекстов, впихнулась в динамическую группу с НЛП и прочими человеческими фокусами. Так я победила страх перед большими людьми и выяснила, что в мою картину мира заложен дед Мороз, а еще – что правило «главное – вовремя понять!» работает безотказно. Но – грубо.

– Самая крутая победа над собой оказалась термически нерегулируемой. Алтай это вообще Сибирь, в смысле там не жарко купаться даже в августе. О том, что температура воды может повышаться до совместимости с жизнью, местные водоемы глубоко не в курсе. Поэтому рядом с базой течет ручей, образующий микро-бассейн – на одну полусидячую тушку, – с температурой порядка 5 градусов. А еще на базе баня такая, что мясо от костей отходит.

В общем, когда я своим рассказала, что тепличный болезный ребенок после баньки в этот ледяной ручеек свою жопу уместил, мои не поверили сразу. Сама до сих пор не верю! Зато точно теперь знаю, что фраза «дух захватывает» это не про крутой вид, а про то, что несколько секунд твое тело не помнит, откуда берется воздух.

– А еще мы очень весело летели обратно. Итак, утро, мы на оленях пригнали с гор в Новосибирск и изволим хотеть домой. Подходим к стойке чек-ина и выясняем, что по внутренним данным авиакомпании я в Новосибирск не прилетала (!), и, соответственно (!!), улететь обратно не могу. Логично? Логично, говорит тетенька в окошке. Нихрена не логично!, – молча ору я и сажусь на жопу плакать.

В 2007 году билеты были бумажными, они распечатывались наподобие книжечки и отрывались по мере необходимости. Поэтому некий любезный дятел выдрал мне вместо билета Москва-Новосибирск билет Москва-Кишинёв, но об этом мы узнаем немного позже.

А пока что я в луже соплей и мрачной решимости показательно умереть не отходя от кассы порчу мирную картину аэропорта высокой культуры быта, и правило «вовремя понять» работает снова: недружелюбная тетенька выписывает мне билет, я собираю в котомку сопли и мы летим нах, наконец-то, хаузе.

С тех пор я, знаете, ни в цигун особо, ни в Сибирь тем более – ни ногой. Кстати, пикантная подробность: недружелюбная тётенька одним билетом бодро и без лишней бюрократии форматнула меня из Александры Цуркан в Алека Турганова.

А я что-то к таким трансформациям пока не готова.

Саша Солнечная

Вкус свободы

– Макс, и крем от комаров не забудь! – крикнула из кухни Оля.

Вонючий крем плюхнулся в чемодан. Я оглушительно чихнул.

Ну и гадость!

– Ты чего? Не простыл ли? – спросил Максим, пытаясь меня погладить.

Руки прочь! Я не для того полтора часа себя намывал, чтоб о мою восхитительную белую шерсть вытирали свои верхние конечности. Я демонстративно увернулся, отошёл на безопасное расстояние и продолжил тщательно вылизывать заднюю лапу.

В дверь позвонили.

– Добрый день, тёть Зин! Проходите, вот вам ключи, цветы я полила, наполнитель, где обычно. Водичку каждый день меняйте. А вот кормите только утром и вечером, он что-то поправился.

Я чуть шерстью не подавился. Вы в своем уме? Как два раза? Сами на all inclusive едете, а меня на голодный паёк? Живодёры! Инквизиция! Гестапо!

На этом мои познания в ругательствах закончились, поэтому в отместку за надругательство над священным животным я вытащил из чемодана злополучный крем и легким движением лапы задвинул под диван. Пусть вас там комары сожрут!

Я им свою мышь любимую в футболки зарыл, забочусь о них. А они? Уу, неблагодарные! Я рубенсовский кот, мне положено быть фигуристом. Вы вообще в искусстве разбираетесь? Для кого Третьяковка работает? С кем я живу?

Максим закрыл чемодан и понес его в коридор.

Бросают меня! У них там аниматоры будут, экскурсии, а я должен довольствоваться компанией косоглазого голубя за окном и стайкой наглых воробьев. О Боги! Когда справедливость покинула этот бранный мир?

План был готов молниеносно. Я заставлю вас страдать! Вы у меня попляшите! Я подождал пока откроется входная дверь и пересадил гибискус с подоконника на пол. Черная земля изящным мазком художника рассыпалась по ковру. На грохот в зал влетели Оля и Максим. Как я их выдрессировал!

– Вот поросёнок! – вскрикнула Оля.

– Сама такая, – мысленно ответил я.

– Идите-идите, я уберу, – заверила тетя Зина. – Вас такси ждёт.

Я как ниндзя просочился между ног соседки и вылетел в коридор. Свобода! Оля с Максимом не заметили моего хитроспланированного побега. Они попрощались с соседкой, с грохотом спустили чемодан по ступенькам и вышли из подъезда.

Я самодовольно хихикал, сидя под лестницей. Было слышно, как хлопнула крышка багажника и как отъехала машина. Я свободен! Больше никаких купаний и никаких вычёсываний, никакой чистки ушей и стрижки когтей. Я тигр! Я лев! Я хищник!

Есть хочется. Ну и где эти двуногие берут мои любимые кусочки филе из лосося? Понятное дело сами всё сжирают, а мне достаются жалкие крохи. Отныне я сам буду добывать себе пищу!

Триумфальной походкой я вышел из подъезда. Весь мир у моих лап.

– Ррр-гав! – внезапно раздалось сбоку.

Я подлетел на добрых два метра. Собака!

– Джордж, фу! – прикрикнула хозяйка псу, натягивая поводок.

Гражданка, вы вообще нормальная? Оденьте на свою шавку намордник, а лучше усыпите. Собака в доме – это негигиенично. Надо отойти подальше. Ещё нацепляю блох. Бе!

Я развернулся и пошел прочь от дома и этой антисанитарии.

– Ррр-гав, – раздалось снова.

– Джордж, ты на поводке, к чему эти угрозы? – флегматично пояснил я.

– Гав-гав! – не унимался тот.

Я повернулся, чтобы высказать своё «фе» тупой псине, только... это был не Джорж!

На меня скалилась морда саблезубого тигра! Гигантская собачатина брызжала слюной и готовилась к прыжку. Бежать! Я стартанул, обломав коготок об асфальт. Я слышал дыхание смерти позади. Бежать быстрее! Кладанье зубов раздавалось у самого уха! Я понял, что силы покидают меня. Вот моё спасение – дерево! С разбегу я влетел на абрикос, росший на углу. Мерзкая тварь осталась внизу.

Заняв оборонительную позицию на корявой ветке, я смог наконец отдышаться. Собака покрутилась вокруг дерева и убежала прочь. Победа! Внезапно пришло осознание, что я боюсь высоты. Мамочки-кошки, как страшно! Сам я не слезу, пусть вызывают МЧС и снимают меня с дерева.

Вдруг в мой хвост что-то ткнуло. Я обернулся и обомлел. Лупатая ворона клевала меня за хвост. Я зашипел, но та лишь повернулась другим боком. Тупая курица совсем не понимает кошачий язык. Тюк. Ай, больно же! Тюк. Мне пришлось отползти. Ворона шагнула ближе. Я снова отполз. Тюк. Я замахнулся на нее лапой, потерял равновесие и полетел вниз. В садовые ноготки. Быдыщ!

Я лежу в ноготках и смотрю в июльское небо.

– Пшёл прочь, кабаняка! – замахнулась метлой дворничиха. – Все цветы мне помял, ирод хвостатый!

В ужасе я бросился в дыру, ведущую в подвал. Почему-то моя попа застряла. Понаделали дырок, кустодиевским котам и не пролезть. Я изо всех сил втянул живот, и упёрся передними лапами в стену. Иить! Клочок шерсти остался на неровной кирпичной кладке. В подвале было сумрачно и сыро. С трубы капала вода. Пахло плохо. Зато не было собак и идиотских птиц. Моя хрупкая душевная организация была значительно измотана. В расстроенных чувствах я задремал на сплющенной картонной коробке.

Шорох. Где я? Ах да, подвал. Вновь шорох в углу. Я привстал. Два рубиновых глаза мелькнули во тьме. Мать моя – кошка, это ж крыса! Я пулей вылетел из подвала, потоптал остатки ноготков и влетел в двуногого. Максим?

– Как ты нас напугал! – меня подхватили на руки и крепко прижали к себе. – Ты цел? Вылет пришлось отложить. Потеряли из-за тебя день в отеле.

– Неважно, – всхлипнула Оля, глядя меня по голове, – главное ты нашелся! Хорошо, что мы тебе маячок на ошейник прицепили.

– Теперь точно придется тебя купать, – покачал головой Максим, глядя на мои серые бока и абсолютно черные лапы.

– Что? Купать? – встрепенулся я. – Ну ладно, только мне за мои мучения полагается тройная порция нежного филе из лосося. И как вы умудрились меня потерять?!

Анна Лазарева

Летний экстрим или Заплываем за буйки

Отель остался далеко позади. Мои девчонки сели чуть поодаль, а мне досталось целых два места у средней двери. Когда наш автобус выехал на скоростную магистраль, экскурсовод прокашлялась и включила микрофон:

– Итак, вы выбрали экстремальный тур на Квай...

Улыбающиеся пассажиры тут же восторжеслись и перевели свои взгляды с пейзажей за окном на женщину-экскурсовода, и она, выдержав паузу, угрожающе продолжила:

– Напоминаю, вы сами выбрали экстремальный тур, так что, чур, не ныть!

Мы с девчонками переглянулись.

– Водопада Эравана не будет, потому что вы оплатили тур-эконом, – наслаждаясь своей властью над нами, продолжала она. В голове промелькнуло: в смысле? Не будет? Какой «эконом»? Отельный гид всех убеждал, что именно в этот вариант входит посещение знаменитого водопада... и цена на тур была совсем не экономная, а средняя из трех предложенных вариантов.

А тетка тем временем продолжала:

– Зато будет сплав по Кваю в диких джунглях, у вас будет ровно 3 минуты, чтобы нырнуть, а затем наш плот уплывет, и те, кто решится погрузиться в воды Квая, насладятся прелестями реки: подводными камнями, плывущими бревнами, грациозно вышагивающими по берегу дикими варанами и обществом крокодилов. Крокодилов бояться не стоит, они здесь не такие, как на Ниле: у наших строение челюстей не рассчитано на такую крупную добычу, как человек, поэтому из них можно вырваться.

В автобусе воцарилась тишина. Крокодилов мы не заказывали. И нас ни разу не радовало их строение челюстей, в которых вот так легко можно оказаться. Я смотрела на ситуацию трезво: ну не может быть туристический сплав опасным. Все должно быть предусмотрено, и, если бы что-то угрожало нашей жизни, нас наверняка не пустили бы туда. Вряд ли король Таиланда готов в своей земле хоронить наших соотечественников, павших смертью храбрых в неравной схватке с природой. Землю в Тае ценят, ее даже в цветочном горшке нельзя вывезти из страны. А кремированной мне быть не хотелось...

Наш проводник в царство джунглей на время замолчал, а люди остались наедине со своими мыслями.

Неожиданно экскурсовод опомнилась:

– Люди с больным сердцем есть? Психически неустойчивые? Детский возраст? Категорически не рекомендую сплавляться!

Блин, а я с дочерьми... младшей всего 12...да почему же отельный гид не предупредил, что ребенку сплавляться нельзя?

Тетка не унималась:

– Ах да, в Квае водятся пираньи, кому нужно, потом подойдите ко мне, отпугивающую мазь дам!

В этот момент я покосилась на своих девчонок: у старшей по щеке покатились слезы. Остальные пассажиры были бледны и сосредоточены. Никто не задавал вопросов. Все слушали и боялись пропустить важную информацию о том, какая еще опасная живность может нам встретиться.

Экскурсовод перешла к следующему блоку своего рассказа:

– Теперь о проживании: так как вы все оплатили тур-эконом... – да что же такое-то? Опять тур-эконом? – мелькнуло у меня в голове, а она продолжила:

– Так как это тур-эконом, то размещаться мы будем в домиках на воде без электричества. Ничего страшного: отдохнете пару дней без цивилизации, без гаджетов, без света. Ах, да, так

как река довольно широкая, змейки, переплывая ее, очень устают и иногда заползают в номера отдохнуть и согреться.

Мм, подумала я, какая прелесть: просыпаешься, а на соседней подушке змейка отдыхает! Еще и света не будет! Проползет такая тварь под ногами, а я и не увижу в темноте... а ночи-то в Тае темные...

Тут вспомнилось еще, как я перед поездкой читала в отзывах «переживших Квай» людей о гигантском пауке по имени Гоша, который тоже любит отдыхать в номерах. Судя по всему, Гоша та еще тварь: не убиваемая. Теперь, в ожидании отсутствия света, этот членистоногий стал выглядеть еще более угрожающе...

Но вот мы и добрались до плавучего отеля. Во время обеда из беседки открывался чудесный вид на берег реки, где паслись гуси. Мы решили: не пропадать же оставшемуся хлебу, и начали кидать куски в воду. Гуси поначалу бойко кинулись за ними, но тут из воды показался сначала один огромный рот, затем другой... третий... огромная стая неизвестных рыб жадно накидывалась на хлеб, распугивая гусей...

Все туристы, которые в этот момент наблюдали за происходящим, застыли с ложками во ртах.

Моя младшая задумчиво произнесла:

– Ну, здравствуйте, кровожадные пираньи...

Лариса Владыкина

В эфире Афродита

– Ну сидит она в своем Инстаграме, ну фоточки красивые выкладывает. Тебе то что, Маш?

– Да бесит, понимаешь? Я его можно сказать вырастила! С 16 лет воспитывала, от мамкиной груди отлучила, а она на все готовое пришла и фоточки теперь выкладывает. Бали, Мальдивы, Тай... Ноги эти свои длинные, а сисек и нет совсем. Тьфу, не могу прям, бесит все.

Машка подняла над головой бокал так, словно в нем находился массандровский херес, а не дешевое винишко по акции, чокнулась с невидимым собеседником, затем выпила содержимое залпом.

– Завтра, – Машка икнула, – завтра я им покажу фоточки.

В следующие мгновения, Мария Викторовна Орлова мысленно перенеслась в сказочное Бали, а физически – легла на кровать и проспала ровно 12 часов. Подруга Наташа укрыла ее одеялом с желтыми одуванчиками, выключила ночник и уснула рядом, на сереньком диванчике Никитоса, который, в свою очередь, смотрел сны в доме у бабушки Раисы.

В полдень следующего дня, подруги вышли из подъезда, волоча за собой пластиковые розовые чемоданы. Маленькие разбитые колеса стучали по асфальту, напоминая девушкам о скудном бюджете этого отпуска. Через пять часов езды на автобусе, путешественницы прибыли к цели.

Евпатория, конечно, не Бали, но вполне подходила для создания таких же ярких фотографий, как в профиле у новой возлюбленной бывшего Машкиного ухажера. План созрел сразу, как только Машка наткнулась в интернете на горящую трехдневную путевку от туристической компании «Счастье рядом». «Действительно», – подумала она тогда и тут же приобрела два билета.

Машкино воображение разбудило в ней ее альтер-эго: Марию Викторовну, жадную до впечатлений женщину, желающую за эти три дня заполнить свой контент-план по публикациям в профиле на три года вперед. Красивая Маша на фоне кипарисов, должна была расстроить бывшего, который по плану должен был пожалеть о содеянном и осознать допущенную ошибку.

Подруга Наташа была приставлена к делу в качестве фотографа, визажиста и костюмера. Утром следующего дня подруги отправились на фотосессию к побережью.

– Видела у нее купальник розовый? Я такой же купила. Только черный. И чашки на размер больше взяла. Чтобы видел, так сказать, разницу.

– Ага, с твоим третьим размером эту разницу только слепой не заметит. Вон смотри, кстати, классный вид на той «тарелочке» будет. Пойдем? – Наташа кивнула в сторону пришвартованной к берегу и чуть покосившейся огромной камеры.

– Пошли!

Мария Викторовна сбросила с себя парео, отправив его в кусты кипариса, и решительно направилась к водителю катера, на ходу поправляя третий размер в чашках купальника.

– Бонжур, – улыбнулась она загорелому хозяину тарелки, – пару фотографий сделать позволите?

– Еще одного дождемся и поедем, – буркнул загорелый и отвернулся.

– Хам, – шепнула Машка подруге, – ну ничего. Ты главное снимай. В прямой эфир выйди из моего аккаунта. Пусть размерчик заценит.

Второй смельчак появился минут через пятнадцать. Мария Викторовна от жары уже покрывалась красными пятнами. Промямлив что-то нечленораздельное, смельчак плюхнулся в тарелку.

Водитель застегнул на экстремалах спасательные жилеты и сел за руль. Машка кивнула Наташе, и тут же лихо скинула с себя жилет. Тарелка дернулась на волнах и унеслась за катером в сторону горизонта. Наташе осталось лишь наблюдать след из белой пены и слушать звонкий смех Марии Викторовны.

К берегу подошли еще несколько пар, желающих покататься на «тарелке». На лежаках загорали пенсионеры, компания молодых людей натягивала волейбольную сетку неподалеку. Дети шумно и радостно строили песочные замки.

Вскоре на горизонте появился катер с прыгающей позади него тарелкой. Наташа вновь услышала звонкий смех Марии Викторовны и приготовила телефон.

Так, Машкин аккаунт, войти. Прямой эфир. Готово.

Наташа смотрела на экран и радостно взвизгнула, увидев, как к эфиру подключился Машкин бывший. Все идет по плану.

Катер приближался к берегу, тарелка прыгала по волнам. Третий размер Марии Викторовны поднимался и опускался вниз под одобрительные возгласы стоящих на берегу мужчин.

Вверх-вниз – гипнотизировала их Мария Викторовна, вверх-вниз. Только Наташа увеличила в камере зум, чтобы наглядно показать бывшему все Машкины достоинства, как произошло нечто страшное.

На экране смартфона Наташа увидела, как сначала из одной чашки купальника, затем из другой появляется белоснежная грудь Марии Викторовны. Словно нежная морская пенка она колышется в разные стороны и поднимается вверх, скрывая открытый от удивления рот Марии Викторовны. Затем опускается вниз и разлетается в стороны.

На берегу стало тихо-тихо, и даже дети зачарованно смотрели как по волнам несется прекрасная Афродита, матеря все морское царство и его обитателей.

– Парео только жалко, я за него три евро отдала, – сказала Машка и отвернулась к окну.

– Я тебе новое подарю, – Наташа обняла подругу, – ты главное теперь купальники правильно покупай.

Автобус тронулся. Машка уезжала домой, навсегда оставляя на побережье звонко смеющуюся Афродиту.

Екатерина Смирнова

Никакого экстрима!

Валерий Палыч шёл домой, совершенно не понимая, что происходит. Шёл неспешно, рассматривал дома, машины, витрины магазинов, куда-то спешащих людей... Подняв глаза вверх, он чуть не ахнул вслух! «Какое же красивое небо!!! Сколько же я не замечал его??!» Сегодня у него был юбилей – ровно 20000 дней! Валерий Палыч во всём любил точность. И ценил каждую минуту жизни.

– Ну, как так можно – удивлялся он – тот-то человек прожил 68 лет... тот-то скончался на 71-ом году жизни...?? По какому праву люди разбрасываются днями, неделями, месяцами жизни!?! Или может кому-то все равно, проживёт он 60 лет ровно, или 60 лет, 10 месяцев и 2 недели??

Конечно же он не с рождения считал каждый день жизни. Случилось так, что в советское время Валерий Палыч повидал немало таких ситуаций и побывал в таких переделках, что простым смертным и не снилось. Будучи работником КГБ, он неоднократно находился на волосок от смерти, выполняя самые сложные задания штаба, т.к. был одним из достойнейших, кому страна могла эти задания доверить.

Да, сейчас не СССР, и он не в КГБ, и ему уже далеко не 10000 дней. Но Валерий Палыч был в прекрасной форме (ну, только, что, небольшой животик появился, недель на 7 беременности, и площадь лба увеличилась, благодаря небольшой залысине), не имел

вредных привычек и жены, и работа нынешняя его была не менее ярка, чем предыдущая.

Он реализовывал свои незаурядные способности, работая частным детективом. Благодаря серьёзным связям, ему досталось немалое приданое с прежней службы. Это были всевозможные маскировочные средства и прочий спец инвентарь для спецзаданий, плюс к этому неплохая военная пенсия; что и дало прекрасную базу для занятия любимым делом.

Он шел домой, слегка размахивая портфелем и улыбаясь жизни. Странно и непривычно чувствовал себя он из-за того, что уже не помнил, когда отдыхал и как это делается! На праздновании юбилея с большим трудом товарищи убедили Валерия Палыча взять хотя бы недельку отпуска и съездить к морю. Чтобы только солнце, песок и шум прибоя, – и никакого экстрима! Он до сих пор не верил, что пошёл на это – 5 дней без работы!!! Возможно ли это??...

И вот, человек – слово, лёжа на шезлонге и потягивая коктейль из свежавыжатых фруктов, сквозь солнцезащитные очки и небольшие щелочки полуприкрытых век наблюдает кружащихся над морской рябью чаек. Его больше не мучают мысли о работе, о делах. Сказано – сделано!

Неподалёку слышался саксофон из ресторана на набережной, иногда пробежали счастливые ребятишки, слева метрах в 50-ти заразительно смеялись красивые загорелые девушки, выигрывая в волейбол у явно поддающихся им парней... Но – море! Этот безбрежный зачаровывающий оркестр волшебных звуков! Его музыка проникает в самую глубину души... в каждую клеточку.

– Ты представляешь!? Да, прямо в бассейне! – вдруг донеслось справа.

Валерий Палыч невольно повернул голову. К нему присоседились две дамы. Не замечая никого, они оживлённо что-то обсуждали, выказывая сильное удивление и возмущение, не в силах сдерживать эмоций.

– Так эта Зинаида Окорок ещё и вступила в интимную связь со сторожем!! Ну, ты знаешь его – Валентин Когосгрёбов!

– Ты, что!? Не могу поверить!

– Да! Вот тебе и заведующая!!

– И что же они вместе получается!?

– Да. Третью неделю уже, как закрыли бассейн яко бы на реставрацию, а сами там квасят огурчики для приезжих!

– Ужас! Чёрные акулы теневого бизнеса! Мало краж, убийств, нападений, так ещё и ЭТО! Что может быть страшнее??

– Не представляю... Бедные детки! Отняли бассейн, да ещё и всю соль, наверное, с укропом из столовой туда перетащили! Бедные детки! Это же что будет?! Полное обессоливание организма к концу смены??! Ужас...

– А я всем своим – приезжаайте! Наши «Алые паруса» – лучший лааагерь! А оно вот как. Да...

Всё. Темнота окутала на мгновенье разум Валерия Палыча. Мощный поток крови устремился к его голове. Казалось, море замерло и погрузилось в тишину, а все люди и музыка исчезли! Кулаки и челюсти сжались... Иииии... Свершилось!!! В миг осознания несправедливости выше 4 уровня в него незамедлительно вселялись три сущности: это Тони Старк, Шерлок Холмс и Вили Фог. По их присутствию он и понимал уровень проблемы.

И вот, словно запрограммированный киборг, герой встал и двинулся на спасение мира. Ясная логика, мгновенный анализ всех имеющихся деталей и невозмутимость Шерлока в тандеме с мощью, решительностью и физико-техническими способностями Старка делали Валерия Палыча неподражаемым! А плюс находчивость и дар предугадывать Вили Фога – и он непобедим!

Детектив подошёл к ближайшему бару и промежду прочим поинтересовался, где же находится «Алые паруса». Место было установлено. Медлить было нельзя. Валерий Палыч вернулся в свой номер, переоделся, собрал кое-что, что может пригодиться для дела и – в путь.

«Алые паруса». Валерий Палыч прогулялся по периметру, фотографируя своей памятью все детали объекта. Вечерело. Вдруг он легко переметнул через забор и по-пластунски достиг детского корпуса. Достал из сумки стальную кошку и ловко закинул ее на крышу. Через 18 секунд он уже вошел в окно туалета и затаился за писсуаром. Пахло не очень.

Распахнулась дверь, вбежал мальчишка лет 12-ти. Валерий Палыч быстро пристрелил дверь к косяку строительным степлером, снял балаклаву и убедил мальчика ради справедливости подыграть ему, будто он его дядя. Мальчик – Илья – любезно согласился. Ведь это ради справедливости. И ещё потому что Валерий Палыч, поймал таракана и показал фокус, как таракан исчезает от каких-то двух-трёх капель серной кислоты. Всё. Сильные пальцы освободили дверь от крепок, балаклава, прыжок в окно....

Вот он уже в сереньком костюме, с наклеенными усиками, в очочках как у Берии улыбается и звонит вахтёрше в звонок. Дверь открылась.

– Добрый вееечер, девушка! Подскажите, где Илюшка Петров, племянник мой, в какой палате?

Валерий Палыч восхищённо смотрит ей, то прямо в глаза, то украдкой оглядывает всю. Полненькая женщина лет 47-ми, смущённо улыбается.

– В пятой. Но мы же не пускаем к детям. Могу его поз...

Не успела она договорить, как «дядя», увидев недопитый чай, протянул даме коробочку конфет:

– Что же вы чай-то пустой пьёте!? Вот, угощайтесь! Угощайтесь! Я сам гостинчики подниму, чтоб тяжело мальчонке не было. Подниму и спущусь с ним.

– Оой! Рафаэла! Моя любимая.. Ну, хорошо, только быстро. Здесь, внизу уж пообщаетесь. Второй этаж направо.

– Спасибо! Я мигом! – засиял он улыбкой благодарности.

Валерий Палыч радостно вошёл к ребятам в палату:

– Илюююшка! Привеет!

Мальчик нервно улыбнулся и несмело встал с кровати..

– Ну, что стоишь!? Ну, иди же! Сделай обнимашку дяде, сорванец! – тот подошёл.

– Вот, бери, угощай ребят!

Он протянул полный пакет фруктов и сладостей. Дети накинулись. Валерий Палыч с Ильёй незаметно вышли из палаты.

– Где кабинет заведующей? Где бассейн? Где сейчас сторож? – посыпал вопросами Валерий Палыч. Мальчик волновался, но всё рассказал.

Они спустились вниз. Вахтёрша улыбалась, аккуратно выковыривая из зуба кусочек кокосовой стружки ногтем левого мизинца.

– Вот и вы! Простите, но я обязана спросить: ты знаешь этого дядю, Илюша?

Мальчик не совладал с мимикой и ответил, расквасившись в плаче:

– ДААА..! Это мой дядя Гооошаа..

– Ой! Ну, что же ты плачешь?!

Илья посмотрел на пузырёчек, выглядывавший из кармана дяди:

– Я... саа-скуу-чилсяяя!

Валерий Палыч душевно взлохматил рукой ему волосы и достал из пиджака леденец-петушок:

– На, вот, лакомка! Беги, играй! Такой чувственный, как мать!

Такая любовь на столько умилила женщину, что на просьбу показать весь лагерь, она уже была бессильна отказать дяде Гоше. Экскурсия, благодарности, прощания, еще одна коробочка рафаэлы..

Валерий Палыч из ракеты (горки на детской площадке) наблюдал в бинокль за окном кабинета заведующей на третьем этаже. Зинаида Окорок пересчитывала черный нал за рабочим столом. Кнопка – щелчок, кнопка – щелчок, – и фотобинокль уже полон неопровержимых доказательств! В кабинет вошёл мужчина в куртке с надписью «охрана». Минута разговора. Женщина собрала деньги в кейс. Погасили свет. Вышли.

– Пора!!! – сказал вслух Валерий Палыч, но поскользнулся и выпал из ракеты. Удар! Он вскочил, сделал заднее сальто на всякий случай и стал в стойку змеи. Никого... Схватил сумку и по-пластунски к администрации. Вскрыл окно нулевого этажа. Здесь и должно было вершиться противозаконное мероприятие. Темнота. Вдали коридора слышался разговор.

Валерий Палыч вынул из сумки робота-барсука. Это был с виду настоящий маленький зверёк, оборудованный четырьмя камерами ночного видения: две в глазах, одна сзади – хвост сверху, одна в боку, замаскированная под ранку от удара клюва тетерева. Робот-барсук для детектива был и глазами, и ушами (4 микрофона: 2 подмышками, 2 в паху). Кнопка – пуск – вперёд!

Наушник:

– Сколько ты нашёл бабулек ещё, Валентин?

– Ещё 11. Теперь наши огурцы будут продаваться по всему городу!!! Наша огуречная сеть станет тотальной для всех конкурентов! Ещё осталось 38 непроработанных бабуль, души не чающих в своих внучатах – в наших внучатах!!!! Согласятся, как миленькие!

Барсук шёл по пятам. В коридоре стало тихо. Валерий Палыч двинулся в неизвестность. Камеры робота показали зал бассейна. Но, что это??! Третья камера уловила ещё чей-то силуэт.

– Не может быть!!! Семён Витальевич!!! – это был весьма большой и известный человек не только в этом округе, но во всей стране. Теперь было всё ясно. Дело набирало обороты и высоту полёта.

Ну, что же, барсук был набит разоблачающей информацией до отказа! Валерий Палыч сжимал торжествующе в руке маленький жесткий диск, на который всё дублировалось через лесного помощника. Он не мог больше оттягивать час феерического разоблачения! Валерий Палыч был мастером эффектного появления и исчезновения и сейчас не собирался щадить злоумышленников.

Он разложил компактный гироскутер в полный размер, накинул и застегнул на шее липучку плаща, в правую руку взял факел, как Прометей, освещающий тьму, а в левую – жесткий диск, раскрывающий карты преступников. И... Кнопка! Вкл.!

Валерий Палыч несётся по коридору с зажжённым факелом, на мигающем разноцветными светодиодами гироскутере под громкую современную музыку, плащ развевается, как у летящего Дракулы! Справедливость в агонии борьбы! Предвосхищение победы! Распахнутая дверь! Ликование победителя! Удар битой! Темнота...

...Детектив приоткрыл глаза. Невыносимо яркий свет. Голова раскалывалась. Над ним стояли три уже знакомых фигуры. Зинаида Окорок рассматривала маленький жесткий диск. Валентин Когосгрёбов постукивал себя по свободной ладони битой. А Семён Витальевич держал в руке пистолет:

– Ну, что, Бэтмэн? Долетался??

Валерий Палыч молчал. Он оперативно обдумывал план действий. А план был прост:

– Ваня! Гааааз!!! – Ваня – это кодовое имя барсука-робота. Команда активировала интенсивную подачу слезоточивого газа! Детектив тут же надел противогаз, обезоружил

Семёна Витальевича и вернул себе жесткий диск.

Все были связаны и опущены по шее в бассейн с огурцами в наказание, до приезда полиции. Но, что это? Что за звук?! Валерий Палыч узнал стук военных сапог. Это была охрана Семёна Витальевича! Это минимум три вооруженных человека. Бежать!

– Ваня! Уходим! Прикрой! – команда запустила смену задней камеры барсука маленьким соплом огнемёта. Валерий Палыч впереди, за ним барсук, за барсуком из-под хвоста огненное зарево! Преследователи закрывались и кричали, но не оставляли погони.

Все взбегали по лестнице на крышу четырёхэтажного здания, так как по дороге все двери наружу были закрыты. Выход. Кровля. Край. Враг шумно приближался. У здания стояла машина с цистерной. Последнее спасение.

– Ваня! По крышке цистерны – огонь!!! – выстрел! Крышка в сторону! Непобедимый Валерий Палыч, увидев уже появляющихся преследователей, для более эффектного исчезновения закричал:

– Врёшь – не возьмёшь!!! – потом:

– Красные не сдаются!!! – потом ещё:

– Хорошо смеётся тот – кто смеётся последним!!! – хотел прыгнуть, но не сдержался и ещё добавил, уже уворачиваясь от пуль:

– I'll be back!!! – и прыгнул вниз.

Точный прыжок в люк! Соприкосновение с жидкой, но густой средой. Плавный вход. Успех! Это были помои!

– Слава Богу, – подумал детектив – что многих детей не заставишь кушать! Ура!

Не теряя ни секунды, Валерий Палыч снял с себя сработавший надувной спасательный жилет, выход на две, и скорее в парк! Ваня следом.

Парк был за лагерем и плавно переходил в лесопосадку, которая уходила далеко за город. Валерий Палыч знал, что здесь даже встречались дикие животные. Поэтому сразу надел маскировочный костюм муравьеда (он к счастью оказался с собой) и стал вести себя, как животное в естественной среде обитания.

Завидев головорезов, он стал спокойно прогуливаться среди кустиков и лизать муравьёв. Барсук шёл рядом и изредка запрыгивал на Валерия Палыча, играя роль сына-подростка, который уже не может удержаться на матери, так как набрал в весе. Появились преследователи. Они сновали под каждым деревом, даже пнули барсука, но так и ушли ни с чем.

Утро. Шезлонг. Нежное солнце. Чарующая музыка прибора. Медленные жирные чайки...

Тёмные очки. Свежий коктейль... И вот, справа:

– Вы представляете!!! Да! Да! Сегодня утром!

– Неужели и Семён Витальевич??! Он ведь столько детских площадок сделал для города! Стольким пенсионерам помог! Это какая-то ошибка!

– Нет! Я же говорю вам! Всех троих взяли!!..

Валерий Палыч даже не повернул головы. Только потянул ещё немного коктейля, лёг поудобнее и, закрывая глаза, прошептал:

– Солнце, песок, симфония моря и никакого экстрима...

Евгений Маньяков

От бедра!

Колготки неприлично жали.

Но в лоснящейся бронзовой сеточке мои костлявые бледные ноги выглядели впервые в жизни хорошо. Можно сказать, даже аппетитно. Правда, мне все равно казалось, что через капрон просвечиваются красные пятна раздражения после бритья.

– А ну, брось! – прикрикнула Катюха на очередную мою попытку незаметно почесаться. – Поставишь затяжку! А ты сегодня – королева!

– У королев не бывает затяжек?

– Лерыч! – Катюха пшикнула в меня водой из утюга. – Сегодня все должно быть и-де-аль-но!

– Ально-ально, – ну разве можно было спорить с человеком, у которого в руках утюг?

И который этим утюгом гладит тебе платье.

Платье было красивое. Струящееся, светло-голубое. С вырезом, открытой спиной и юбкой, достаточно длинной, чтобы соблюдать приличия, и достаточно короткой, чтобы стать темой обсуждения всего выпускного.

От одной только мысли об этом меня накрывало приятной слабостью – смесью страха, стыда и предвкушения.

К последнему школьному балу мы начали готовиться еще с утра. А меня все еще подмывало «слиться», поддаться страху, зашвырнуть платье за шкаф, достать оттуда джинсы и толстовку и пойти в привычном и мне, и всему классу образе серой мыши.

Если бы не Катюха с утюгом...

Вот что значит – настоящий друг. Хочешь – не хочешь, а королевой быть придется.

Но если без шуток, королевой быть хотелось. Всегда казалось, что это все не сейчас. Как-нибудь потом. Позже.

И вот куда уже позже? Вариантом осталось немного. Запомниться одноклассникам банально, как половина из них запомнится мне: облеванным полом или сексом с молодым физруком (хотя секса с физруком тоже хотелось, что уж там). Или войти в историю класса как королева – в самый раз.

– Все! – подруга победно вскинула утюг. – Теперь моськи!

Красила она меня долго и вдохновенно, не позволяя даже прикасаться к зеркалу. Так что можно было только догадываться, что за картины она рисует на моем лице.

– Мушку ставим? – она помусолила карандаш и, не дождавшись ответа, ткнула меня над верхней губой. – Ресницы?

– В смысле?

– Смотри, какие у меня есть! – Катюха протянула коробочку с чем-то, что назвать ресницами можно было лишь условно. Скорее это напоминало крылья бабочки. Такими моргать страшно – точно взлетишь.

– Не, ко мне в таких ресницах мир еще не готов.

Подруга выглядела разочарованно, но спорить не стала.

– Тогда марш одеваться!

И все-таки пустила меня к зеркалу.

О! Мир не был готов и без ресниц! Еще бы – главный гадкий утенок школы вдруг за один вечер превратился в прекрасного лебедя. Никаких прыщей, ровный тон с легким румянцем. Аккуратные стрелки и переливающиеся синие тени превратили глаза из «блеклых» в «светящиеся». Губы были совсем легко оттенены розовым, и стали... сексуальными? А может, их так изменила довольная улыбка, которую в моем зеркале редко когда можно было увидеть.

Все это стоило моего страха.

Себя Катюха накрутила быстрее, но мы все равно начали опаздывать. Поэтому, в спешке оправляя платья и влезая в каблуки, все-таки решили вызвать такси. Подруга бы и на шпильках добежала за считанные минуты, а вот меня на каблуках еще покачивало.

И все-таки мы опоздали. Так что школьный коридор встретил нас торжественным молчанием и пустотой. А вот из-за двери актового зала доносился гул.

Створки были приоткрыты, и в щель мы видели, как выпускники и родители разбились на группки в ожидании торжественной части. До нас долетали обрывки фраз, щелчки фотоаппаратов и всхлипы чьих-то сентиментальных матерей.

Молодой физрук тоже был тут. Стоял у колонок, что-то объясняя звукарю.

– Все, пора, – прошептала Катюха и вдруг шлепнула меня по заднице.

– Вперед и от бедра!

Мы распахнули дверь, и все (кроме физрука) обернулись на их протяжный скрип. Гомон голосов и всхлипы тут же стихли. Физрук повернулся последним.

Наши взгляды встретились.

Моя улыбка вышла скорее смущенной, чем уверенной. По его взгляду было сложно что-то прочесть.

Как ему? Понравилось? Он удивлен? Восхищен?

Но вот его лицо изменилось. Сначала покраснело, затем побагровело, как будто он забыл, как дышать. Катюха одобряюще стиснула мою руку.

Ах так? Не нравлюсь?! Ну и черт с ним! Как будто меня волнует его одобрение! Я вообще – королева!

Наконец, физрук вздохнул.

– Валера! Смирнов! Ну твою ж мать!

Саша Горячко

Часть 2. Патологоанатом Кромов в отпуске

Музыка нас связала. Тайною нашей стала...

Июль. Невыносимая духота. Парило. Все гипертоники молились, чтобы небо разверзлось. Но не мужчина с чемоданом. Он вдохновенно взирал вверх и наслаждался небесным полотном. Его неравномерно сероватый цвет так напоминал ему занавес сцены родного ДК, что сердце предвкушало вот-вот начинающийся праздник!

– Простите. Добрый день! Не подскажете: это пансионат «Райская трясина»? – обратился он к приближавшейся женщине с большой сумкой на колёсиках.

– Да. Здравствуйте. А вы тоже сюда?

– Да, вот, дети об отце позаботились. Разрешите представиться: Антон Викторович Кулик.

Заслуженный артист п. Нижнее Забулдыжье Воронежской области. Имею честь играть в оркестре на ударных, в частности на треугольнике. Да.

– Ой! Да, что, вы!? Очень приятно! Роза Александровна Пипиттова. Художник-оформитель. Цветы – это вся моя жизнь! Составляю смысловые букеты, занимаюсь икебаной, участвую в различных творческих проектах.

– Очень! Очень рад!!! Первая встреча и сразу – воплощение грации и творчества!

На это дама порозовела и, смущённо улыбнувшись, опустила взгляд.

...Разговор завязался.

...Антон Викторович вошёл в свой 1,5-звездочный номер, плюхнулся на скрипучую кровать и расплылся от удовольствия. Только подумать! Его ожидали целых 10 удивительных дней общих грязевых ванн, полостных грязелечений, щёточно-грязевых процедур, компрессы и аппликации, массаж – голова шла кругом!

Воодушевлённый он оглядел номер, разложил по полочкам вещи, вышел на балкон. И, конечно, мысли о прекрасной утонченной соседке уже не оставляли... Раздался рингтон.

– Да-да! Да, всё отлично! ...Заселился уже... Номер хороший... Да... Нет. Тараканов мало... Вода будет, да, вечером, сказали, будет... Очень нравится!..Спасибо, мои дорогие! Целую! Пока!

Антон Викторович положил телефон, причесался и достал из чемодана маленький кассетный магнитофончик «Panosound». Бережно открыл футляр с треугольником. Приготовил партитуру. Репетицию было пропустить непозволительно.

Пуск! Комната наполнилась неземным произведением Лаврентия Цурика «Там за бродом дви конякы». Маэстро, проживая всей душой каждую ноту шедевра, внимательнейшим образом отследил и высчитал все свои паузы и вот, на сорок первой секунде девятой минуты он виртуозно взмахнул рукой и торжественно ударил в инструмент!

Боже!.. Какое блаженство окутало Антона Викторовича! Закрыв глаза, он поднял лицо вверх ко Творцу (в потолок), чуть заметно конвульсивно содрогнулся и слился со звуком треугольника. Нет! Он стал этим звуком! И растворился в нирване...

Дверь распахнулась. Ибо она была из дешевого ДВП и пропустила через себя звуковые волны колдовского инструмента прямо сквозь слуховые отверстия к внутреннему уху, проходившей мимо по общему коридору Розы Александровны.

О! Небеса!!!.. В её голове молоточки застучали по наковаленкам. Запустился необратимый процесс. Устоять уже было невозможно!

Без стука она, не помня себя, паря над стёртыми ромбиками местами скукоженного линолеума, впорхнула внутрь, приблизилась к Антону Викторовичу и медленно, но очень страстно впилась в его губы...

Каждый день отдыха наполнился не только телесной пользой, но и глубоким душевным смыслом. По утрам Розу Александровну в стакане всегда ожидал живой цветок, каждый раз нового вида. Они вместе посещали все процедуры и мероприятия. А после приходили в номер и она читала Антону Викторовичу свои любимые стихи.

Он внимательно слушал свою музу и в паузах слегка игриво ударял по треугольнику, сопровождая её голосу и ещё более оживляя происходящее. Эти вибрации пронизывали Розу Александровну с головы до ног. Словно лепестки тысяч орхидей в свободном падении касались всего её тела. Голос становился мягче, речь медленнее, а глаза опьянёнными...

Десять дней пролетели, как один. Но это отнюдь не печалило. Ведь впереди у них была вся жизнь.

Евгений Маньяков

Новый маршрут

– Мо, где проведешь 11 медленных дней?

Мы называем «медленными» дни без перелетов. Весь галактический год мы, пилоты Межзвездной Туристической Ассоциации, на сверхсветовых скоростях возим туристов от планеты к планете. Слоган нашей компании звучит как «Покажи, что ты был везде!»

Мы летаем без остановок. Жизнь в чужой атмосфере стоит слишком дорого, чтобы там задерживаться. Путешествие сводится к трансляции координат из модных туристических точек: подлетаем к планете, туристы фиксируют местоположение, мчим дальше. Иллюминаторы в кораблях не предусмотрены. Количество гео-точек в паспорте – важный критерий для определения твоего статуса.

После года работы мы получаем право на 11 дней отпуска.

Я не знаю, что ответить Дю на его вопрос. Еще не решил. Дю каждый раз выбирает для отдыха маленькую планетку T167. Ее атмосфера похожа на нашу, за исключением наличия в составе легких опиоидов. Жить постоянно нельзя, но провести 11 дней в полупьяном дурмане – вполне допустимо. Дю звал меня с собой, но такой отдых не для меня.

Сначала я хотел навеститься домой, но это было до разговора с Миком. Теперь я постоянно думаю о неизвестной планете, которую он год назад обнаружил в левом краю галактики.

– Мик, ты снова потратил 11 дней на полеты в никуда? Медленные дни не будут медленными, если ты все так же гонишь корабль.

– Я не просто летаю, я ищу. И в этот раз вроде нашел.

– Нашел что?

– Планету, Мо. Планету настолько отсталую, что ее жители никогда не слышали о жизни в галактике. Для них мир – это полоска земли и соленой воды между льдом и льдом. Я видел их, они на первой ступени развития.

– Ты вступал с ними в контакт без одобрения Ассоциации по Расширению Заселенных Территорий?!

– Еще нет. Но я хочу вернуться туда.

Одиннадцать дней назад Мик улетел в очередной отпуск. Перед отъездом он был сильно возбужден.

– Представь, Мо, что тебе не нужно думать о правилах Ассоциаций, ты не обязан вести табель свободного времени и заботиться о поддержании статуса, чтобы иметь доступ к благам цивилизации! В том месте нет даже межпланетной связи... Возможно, я не захочу вернуться, Мо. А ты... ты должен будешь прикрыть меня.

Одиннадцать дней назад по зашифрованному личному каналу я получил сообщение от Мика с координатами неизвестной планеты и подписью «В случае чего, ты ничего не знаешь».

Сегодня я закончил работать и получил свой ежегодный краткосрочный карт-бланш. Возможно, я уже знал, что буду делать дальше, но не мог в этом признаться ни Дю, ни самому себе.

Я вышел в порт, взял одну из яйцеобразных капсул для частных полетов. В полумраке кабины я перестал нервничать, привычным жестом оживил панель управления, которая мягко вспыхнула серо-голубым бледным светом, и ввел координаты, полученные от Мика.

Спустя две трети часа подо мной была бело-голубая планета. Ледяной шар делило пополам темное кольцо воды с вкраплениями зеленовато-желтой суши. Пора на посадку. Мне вон к тому зеленому сгустку.

За 16 лет кочевания от планеты к планете я не видел такого зеленого мира. Широкие кружевные листья вырастали из почвы целыми связками. Они не тянулись вверх, а рассыпались во все стороны. Гравитация не прижимала их к земле, но они сами стремились заботливо укрыть ее. Сквозь ажурный ковер, будто следы от ракет, выстреливали вверх зеленые нити – тонкие пружинистые стволы деревьев, полностью заросшие мхом. Они заканчивались пучком плотной листвы, скрывающей небо.

Под ногами была неизвестная почва: упругая, гладкая, пропитанная водой настолько, что, казалось, достаточно тонкого надреза, и влага тут же выступит мелкими каплями, похожими на росу или сок на срезе сочного яблока.

Тишину нарушали глухие удары тяжелых крупных капель о землю. Они не разбивались брызгами, а мгновенно впитывались в грунт.

Мягкий подземный гул улавливался не ушами, а конечностями. Земля была беспокойна и передавала ногам мелкую вибрацию – глубоко внизу под слоями грунта kloкотали мощные потоки воды.

Недалеко от места посадки я увидел пустую капсулу Мика. Ты был прав, друг! Это прекрасная планета.

Пройдя с полкилометра, я встретил их. Удивительные существа на двух ногах. Черная матовая кожа и блестящие, как только отполированная крышка капсулы, глаза.

Это первый контакт! Нельзя напугать их.

За 1200 лет Земля обросла льдами. Ледники сползли с полюсов и каждую зиму продвигались ближе к экватору, сжимая полосу, где еще можно было жить, а летом не сдавали позиций. Цивилизация умерла. Большая часть фауны исчезла, не выдержав перемен климата и частых миграций. Баланс экосистемы был нарушен и жизнь людей угасала. Последние выжившие искали еду, спасаясь от надвигающихся ледников.

Сегодня вождь племени Мурси был счастлив. Когда надежды на сносную добычу не оставалось, верховный шаман принес в жертву богам трех самых сильных воинов. В тот же день с неба упало блестящее стальное яйцо и принесло в себе неведомого зверя с яркой синей кожей. Крупного и очень мясистого.

Спустя одиннадцать восходов небо подарило им еще одно яйцо, а добыча сама пришла к ним в руки. Благодаря богам, племя сможет пережить еще одну зиму.

Евгения Корнильева

Ася

Сколько себя помню, я все время куда-то иду. Одна или с друзьями, снова и снова закидывая на плечи огромный рюкзак. Иду через поле, через лес, через горы, через пустыни и ледники.

Никогда не могла устоять на месте, даже в детстве. Мы приезжали на дачу – я шла в лес. Мы ехали на море – я исследовала все дикие пляжи в округе. Копать грядки или загорать, лежа на шезлонге, было невыносимо.

Еще школьницей я исходила все пешие тропы Ленобласти. В городе всегда было скучно, душно, тесно. Я задыхалась. Хотя я живу (ну, как живу – прописана, по крайней мере) в одном из самых красивых городов мира – Санкт-Петербурге. Северной Венеции. Городе белых ночей.

– И что с тебя будет, – причитала бабушка. – Ты же девочка, даже в лесники тебя не записать.

– Что-нибудь придумаем, бабуль, – уверенно отвечала я, набивала рюкзак едой и снова уходила.

Родителям-юристам не нравилось, что их ребенок все свободное время проводил в лесу. Но, спасибо им, они не пытались поломать или перевоспитать меня, только заботились, чтобы я шла не одна, а с друзьями, и всегда оставалась на связи.

С друзьями мне везло, компании подбирались надежные и веселые. Самая давняя и близкая подруга – Машка, мы знакомы с семи лет. Ей тоже было скучно на даче – так и познакомились. Теперь она, как и я – инструктор по туризму.

Мой конек – катамараны, каяки и байдарки (все же удобнее, когда вещи едут на лодке, а не на плечах). Я прошла все реки Карелии и Мурманской области. Ходила по Белому, Норвежскому и Северному морям. Купалась в Ледовитом океане. Я обожаю свою работу. Но, конечно, иногда я устаю и жду возвращения домой. Отпуска.

Отпуск. На деле это просто конец сезона.

Сезон на Севере – с мая по сентябрь. Пять месяцев на природе. За это время накапливается усталость: начинаешь скучать по комфорту, по простым бытовым удобствам, на которые в обычной жизни не обращаешь внимания.

Самое предсказуемое, простое и горячее желание – ванна. С нее и начинается мой отпуск.

Я наполняю ее до краев, добавляю побольше густой ароматной пены с запахом сирени, ландыша или хвои (ха-ха, чувствуете – лес даже тут не отпускает меня). Зажигаю свечи и ставлю их по бортикам. Включаю музыку – обычно что-то медитативное, расслабляющее. Беру бокал шампанского и забираюсь в воду.

Таким образом я провожу не один час – отмокая, оттирая, намазываясь всевозможными пенками, скрабами и лосьонами. Чтобы впервые за несколько месяцев почувствовать, что я девочка, а не суровый вожак стаи.

Стирка. В походе успеваешь забыть, как это – закинуть вещи в барабан, нажать кнопку и через полтора часа достать все совершенно чистым (или даже сухим). Поэтому в отпуске я с удовольствием привожу вещи в порядок: разбираю, перестирываю, сушу, отношу в химчистку и выкидываю то, что пришло в негодность. Составляю список того, что нужно докупить.

Еда. Обожаю маленькую пекарню через дорогу. По утрам свежий хлебный аромат разносится по всей округе. Пирожки, ватрушки, булочки, слоекки, конвертики, круассаны и маленькие порционные тортики – хрустящие, упругие, воздушные, осыпавшиеся сладкой сахарной пудрой на губах. Как же мне не хватает их в походе! Поэтому в отпуске я ни в чем себе не отказываю. И запиваю все это большим стаканом капучино с пенкой. Нет, в походе мы тоже частенько варим кофе – специально для этого я вожу маленькую гейзерную кофеварку. Какая на нее очередь по утрам!.. Но кофе с пенкой в лесу не сварить.

Мягкая, теплая, уютная постель. Конечно, я сделала все, чтобы в походе мне было удобно спать. Но разве может даже самый лучший туристический коврик сравниться с ортопедическим матрасом? Поэтому следующее, что я делаю в отпуске – днями валяюсь на кровати и смотрю сериалы.

И первые дни все это настолько в кайф, что невольно думаешь: «ну вот, Ася, может, к черту походную жизнь? Все? Пора остановиться? Надоела сырая палатка, пропахшие костром вещи, вечно холодная вода? Да в туалет-то толком не сходить, все время – в кусты с лопаткой».

Но проходит неделя, и лежать на диване становится скучно. Тогда я выхожу в город.

На самом деле, я очень люблю Питер – у него своя, неповторимая атмосфера.

Иду знакомыми маршрутами, смотрю, что изменилось за время, пока меня не было: от Парка культуры – мимо нарядных коттеджей Каменного острова, узкими улочками Петроградки, через мрачноватые дворы Васьки, туда, ниже – на стрелку, потом – по набережным. Вдоль Мойки до Мариинки, по каменным плитам Фонтанки и канала Грибоедова до Литейного. Конечно, здесь все по-прежнему, но мне хочется не забывать Питер, чувствовать его, держать руку на пульсе.

Так я несколько дней брожу по городу, затем снова оседаю дома и включаю сериалы.

И просыпается тоска.

Тоска по голубому и зеленому. По свежему прохладному воздуху. По тишине. По птицам, поющим на разные голоса. По веселому журчанию реки. По бурному грохоту порогов. По размеренному прибою северных морей. По звездам, которых почему-то никогда не видно в городе.

Вспоминаю, как по утрам просыпаюсь, выхожу из палатки – а вокруг красота. И каждый день – новое место. Потягиваюсь, чувствую терпкий запах дыма – кто-то из ребят уже развел костер. Достая кофеварку, ставлю на огонь. И пью кофе, вкуснее которого нет. Потому что он – на сладкой, чистейшей ледниковой воде, с ароматом костра и предвкушением дня, полного приключений.

Тогда я смотрю на календарь, понимаю, что отпуск заканчивается не скоро, беру телефон и звоню Машке.

– Привет. Ну что, отдохнула? Давай по Тоскане на великах?

– Тоскана?

– Да, там сейчас не жарко и мало туристов.

– И молодое вино... – мечтательно тянет Машка.

– Или Камчатка. У медведей вот-вот спячка начнется. Лес сейчас разноцветный. Черный пляж. Не хуже Исландии.

– Или Перу. Я давно хочу пройти по тропе Инков. Есть короткий и длинный маршрут, как думаешь... Хотя, чего это я спрашиваю!

– Договорились. Пусть будет Перу, там сейчас весна. Тепло. Отогреемся после северного лета. Ищи билеты. А я пошла собирать рюкзак...

София Эдель

Это голубой, не усложняй

Запах одуванчиков ни с чем не спутать, поэтому Юля наслаждалась тем, как он разносился по лесу, смешиваясь с хвоей и сыростью леса. У всего был свой запах, свой звук и вкус. Хотелось прикоснуться к каждой детали этого нетронутого, чистого мира. Девушка вдохнула полной грудью чудесный аромат, затем взяла кисточку и аккуратно погладила ее. Щетинки нежно заиграли под ее пальцами. Она улыбнулась, дотронулась коры дерева и провела рукой, как бы поглаживая своего старого друга. Множество чувств смешалось в ее голове и она попыталась запомнить их все. Взгляд на кору, потом на палитру, взмах рукой и кисточка коснулась полотна. Так начинается искусство. Она слушала, как сухая кисть царапает полотно, смотрела за переливами краски, прохладный летний воздух и пение птиц придавали ей сил. Все эмоции и чувства сейчас накладывались на холст, сердце трепетало. Юле нравилось рисовать природу, наблюдать за неспешным ходом облаков, прислушиваться к шуму листьев. Ей хотелось запомнить этот момент, и где-то глубоко внутри появилось непреодолимое желание слиться с этим миром, стать его неотъемлемой частью. Девушка еще раз окунула кисть в воду, чтобы смахнуть остатки краски, и слегка помешала. Красивый водоворот наполнился оттенками изумрудного с желтым. Вода увлекала за собой комочки и те раскрывались в новом цвете. Юля остановилась, чтобы посмотреть за игрой цвета и почерпнуть в этом немного вдохновения. Девушка задумалась, сколько всего прекрасного можно найти во всем, если твое сердце открыто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.